

БЕЛЬСКИ ГОСТИНЭЦЬ

краязнаўча-
культурны
зборнік

ISSN 1506-9192

нр 2
(41) 2009
год 12

BIELSKI HOSTINEC



SPIS TREŚCI

Okladka – Anastazja Kuryłowicz z synem Kostią, Kobryń 1914

У гліне і по шкліе	3
Пінскаја шл'ахта на Пудл'ашшу	5
Лука Курилович. Дневник Кости	7
Пра пачаткі царкоўна-прыхадской школы ў Курашаве	31
Bielsk międzywojenny we wspomnieniach Zachariasza Szachowicza	33
Wojciech Konończuk. Zagłada społeczności żydowskiej w Bielsku	45
Чаромхаўскае вяселле 1953 г. у фатаграфіях Дзмітрыя Шатыловіча	52

ЗДАРЭННІ У ГЛІН'Е І ПО ШКЛІ

Першы раз на варштаты, арганізаваны нашым муз'еям завітаў гончар і мастак по мал'унку на шкліМ Васіл' Логвін з Брэста і Марыя Кул'еца з Пружан створылі пры тым неповторну, творчу атмасферу. П'яты варштаты паказалі, што зацікавл'енн'е руМнымі традыцыямі ў дзі і бат'кув велік'е.

В першы ден' варштатув, 17 ліп'ен'а, пачаліся і Пудляшско-полескі жнівны сустрэчы "Олен' по бору ходіт". ДіМі з бат'камі моглі браті удіМ в зажынках на Старых Порубах, а посл'а слухаті концерту традыцыйнаго фол'кл'ору. Выступілі сп'евачкі з Добрыводы, Васілёчкі, Катрынка з Высокаго, Лобчанка з Лобчы на лунінеццкім Пол'ессі, сестры Лукановічы і Жемерва.

У наступны ден' усіМ споткаліс'е з ко'лектывам Лобчанка. Насця Яков'ец расказувала бајкі, діМі учыліс'е забавув, танц'ув, а таксамо прып'евок до подіспана



ЗДАРЭННІ

ПІНСКАЯ ШЛ'АХТА НА ПУДА'АШШУ

Быв нел'огкі дла'а Беларусі **руМк** 1866, колі Вінцент Дунін-Марцінкевіч вз'авсе за пісан'не “Пінскую Шл'ахту”. За собою **міМ** вже **буМ'ш** за 20 **ліМ** літаратурнаго творчэства. Став прызнаным поетам і драматургом, вывод'ачы б'елоруск'е пісанае слово на вышыны Парнасу. Пісм'енніка поправаді можна назваті бат'ком новуі б'елорускуі літаратуры, незал'ежно од мовы на якуі вона творылас'е. Бо Марцінкевіч, як г'еніі і пророк знав, што б'елорускуі літаратуры не можна замыкаці в рамкі однеіі мовы. Бо в разнороднасці хоруство і сіла. Тому годна дла'а літаратуры і осветы не тоу'ко бобруйска, новогрудзка чы мінска говуорка, але і пінска, кобынска, б'ел'ска...

“Пінская Шл'ахта” была напісана на мові пінчукув. Мовознавці окреслілі, што докладно так до тепер говорат в давніх шл'ахецкіх і мужыцкіх в'осках на **схуМ** од Пінска, по обадва бокі Прыпеті. Марцінкевіч досконало знав тутейшу мову,

велік'е багацтво жеіі л'ексыкі, прыказок, крылатых **слуМ** і сам гумор пінчукув.

Пуда'ашскі гл'едач мів недавно велік'е шчасц'е побачыці “Пінскую Шл'ахту” в орыгіналі. Прывіжү **М** жеіі, на наше запрошен'е, Пол'ескі Драматычны Театр з Пінска. Спектакл' в режысерыі Івана Базана, дырэктора театру, побачыло **буМ'ш** за тыс'ачу гл'едачу **М** в Гаінувіці, Б'еластоці і Б'ел'ску. На публіці можна было споткаці Тадевуша Кшыжан'скаго, праправнука Вінцента Дуніна-Марцінкевіча і Язэпа Янушк'евіча, б'елорускаго літаратурознавца. Прыјехав спецыјал'но з Мінска, быв на всіех спектакл'ах, а в додаток падготовів гл'едачам несподз'анку – выданн'е автентыку “Пінскай Шляхты” на орыгінал'нуі, пол'ескуі мові.

Пол'ескі театр створыв спектакл', на якім можна было і узрушыціс'е, і посміяціс'е, і задуматіс'е над одв'ечнымі прабл'емамі в рел'ацыях улада-чолов'ек і сус'ед-сус'ед. Одінаково добре одбірајут спектакл'





і малы́є дієті, і молод'ож, і дорослы. Каж-
ды в ім зна́єде што́с' дл'а себе. Тому не діво,
што посл'а высту́пу в Б'ел'ску, публіка біла
браво сто́ячы і не хоті́ела одпускаті акторув
со сцены.

Провожа́лі пінчукув мы́ як добрых зна-
комых, з наді́єю, што ко́лі знов прыві́та́єм
іх на Пудл'ашпу. А на ўспомі́н, нашым чы-
тачам пропону́ем пару здымкув з б'ел'ского
спектакл'у і текст песні́ Куторгі.

Дороф'е́й Фіо́нік



*Гдэ унады́тца юры́ста,
Вы́мэтэ́ хату́ дочы́ста!
Та́ких ды́ваў на́говорт,
Та́к мно́га кру́чкоў на́творы́т,
Шчо, по́чысаўшы́ заты́лок,
Ты разсу́поны́ш узы́лок.
Не да́ш? Вюн тэ́бэ за́мучы́т.
Добрэ́ ста́ра ка́зка учы́т:
Дэ́рэ ко́за ў лі́се ло́зу,
Дэ́рэ воў́к у лі́се ко́зу,
А воў́ка – му́жык І́ван,
А І́вана – шы́яхты́ч-пан,
Шы́яхты́ча дэ́рэ юры́ста,
А юры́сту?.. бы́саў тры́ста!!!*



Посвящаются эти записи горячо любимому и безпредельно дорогому сыну моему Косте, родившемуся 17 мая 1914 года, по счету пятым ребенком от своих родителей. Отец его Лука Михайлович состоял в то время на службе Делопроизводителем Управления Кобринского Уездного Военского Начальника. Занял он эту должность переводом из Варшавской Контрольной Палаты 21 июня 1913 года с должности Счетного Чиновника, будучи уже представленном в Помощники Ревизора.

Сохрани, о дорогой сын, память о твоих горячо любящих тебя папе и маме.

Сии записи да будут тебе дороги так, как дорог ты для своих родителей, обожаемое дитя наше!

17 мая 1914 года, в 7 часов утра родился у нас ребенок. Акушерка, которой был принят ребенок, Мария Николаевна Козакевич, жена Пристава Первого Стана Кобринского уезда, поздравила папу и маму с сыном. Боже, какая это была радость! Я из столовой вбежал в спальню и посмотрел на сына. Ребенок лежал на кровати и кричал. По его голосу было заметно, что он родился ребенком здоровым и крепким.

Чувство любви к этой крошке и мысли о том, сохранит ли нам Рука Всевышнего этого малютку, переполнили мои чувства и, не будучи в состоянии удержаться от слез, я вышел опять в столовую. Здесь я опустился на колени и долго, долго плакал и молился Господу. Я у Бога ничего не просил другого, кроме одного, чтобы Он сохранил мне моего дорогого новорожденного сына. Я молился за жизнь его, я молился за будущее счастье его и за все то, что могло быть в будущем Богом дано все лучшее для него.

Боже, какие я испытывал в это время чувства... Чувства безконечной радости о новорожденном, чувства пережитой многой горести и печали о похороненных уже четырех детях (Оли, Нади, Миши и Вани) и, наконец, чувства надежды на Всемилостивого Господа Бога о даровании Им жизни этой новорожденной малютке на утешение бедным родителям.

Ребенок рос и креп; с самого рождения был тихим и спокойным. Несколько дней после его рождения (и за долго еще до крещения) мы называли его Костей в честь Кон-

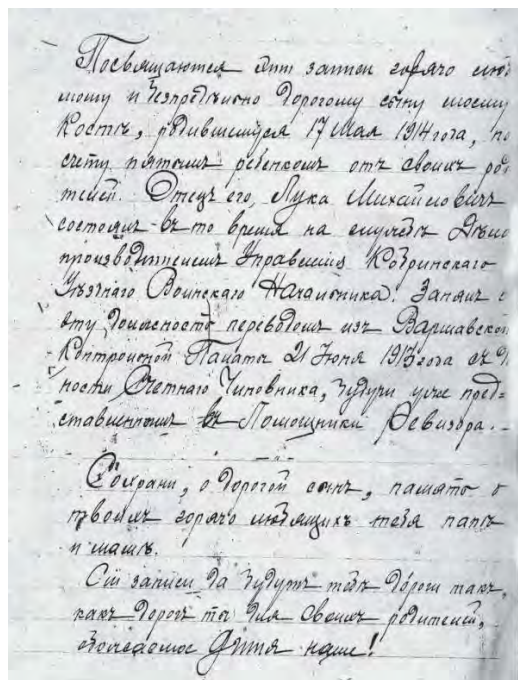
стантина Равноапостольного, празднуемого церковью 21 мая, что как раз совпало с именем дяди моего сына, любимого и уважаемого мною брата моего Константина.

29 октября 1914 года, в день Ангела мамы, наш Костя был крещен настоящим уже Костею (впоследствии стали называть его Котиком). Восприемниками были Кобринский Военский Начальник Подполковник Эрнест Германович Ольденбург и жена Смотрителя Кобринского продовольственного магазина Иулия Антоновна Палидина. Обряд крещения совершали: Протонерей Кобринского собора Симеон Бегалович и псаломщик того же собора Петр Игнатьевич Бовдэль.

Крестили Костю в сидячем на руках положении. Все восхищались большим таким крестиком.

После обряда крещения все веселились и танцевали; танцевал также папа и Военский Начальник.

Помню в один из Ноябрьских дней 1914 года утром просыпаюсь и вижу Костенька мой сидит у ног моих на кровати сам без всякой помощи (Костике была привезена люлька, или проще сказать возик на резинах из Варшавы – дорогой красивый, но Костенька не любил спать в нем и по этой причине спал на кроватях между папой и мамой). Это первый был случай его самообладания, а поэтому это было до безконечности потешным и смешным. Костя сидел не двигаясь с места посматривая своими глазенками то на папу, то на маму. Потешность



Першая старонка рукапісу

и комичность была так велика, что папа сорвался с кровати начал бегать кругом Котика, целовать его, обнимать и, наконец щипать. Костя начал капризничать и не захотел больше сидеть, но папа садил его опять на старое место. И так это продолжалось покамест Котик не разревелись.

9 Декабря 1914 года это был день страшнее всякой смерти. Целую ночь на это число Костиньке нашему нездоровилось и всю ночь папа и мама были в перепуге, а на разсвете с ним случились конвульсии.

Папа и мама были в облике двух смертей. Был привезен тотчас же врач Моложавой, который признал, что болезнь на почве пересыщения желудка и таким образом, ничего не имеющая с мозговым аппаратом. Стало как то легче. Но приписанные им на животик горячие компрессы еще участили припадки. Папа без памяти бросился за врачом Сорочинским. Этот врач также признал, что болезнь в связи с желудком, но компрессы распорядился удалить и держать ребенка в прохладной температуре и приписал при этом микстуру. Повторявшиеся до этого 8 припадков сразу прекратились.

С этого дня постоянным врачом нашего Костеньки стал врач Юлиан Казимирович Сорочинский, как опытный врач, добрый человек и друг и приятель дома. Врач Сорочинский осматривал Котика по 2-3 раза в день и около 16-17 декабря наш Костенька совершенно стал здоровеньким. Припадки с Костенькой за время лечения его врачом Сорочинским не повторялись.

Другой случай с Костенькой был не менее потрасающий как и первый. В ночь с 16 на 17 мая 1915 года, в годовщину рождения Кости, около двух часов ночи, опять у нашего Котика повторились эти страшные припадки. Папа и мама совершенно потеряли головы. Был вызван по телеграфу из м. Антополя врач Сорочинский. Врач приехал на почтовых лошадях сейчас же (Разстояние от Антополя до Кобрина верст 30). До прибытия врача Сорочинского конвульсии повторялись 3 раза, з затем уже не было. Врач признал, что Костенька болеет сильным бронхитом; температура стояла 39. Так как головка у Котика была страшно горячая, то обрящено было самое серьезное внимание на то, чтобы не допустить до воспалительного мозгового процесса, а поэтому врач Сорочинский велел прикладывать к головке и с пузыря. Днем и ночью дежурили у кровати больного Котика чередуясь: папа, мама и тетя Ксения. Боже! сколько было страданий, сколько слез, мук и горестей! Бедная мама потеряла все свои силы. Тетя Ксения также много плакала за Котика. Врач Сорочинский осматривал больного Костеньку по 3-4 раза в день.

В одну из этих печальных ночей, я всю ночь дежурил у кровати больного Костеньки (измученной и душевно-убитой маме я хотел дать хоть сколько нибудь отдохнуть). Имея все время в руках градусник, я целую ночь измерял температуру. Температура стояла все время 39°. Скажу коротко: скорбь была велика... надежды на будущее сына моего мало... Всю ночь я простоял на коленях около больной крошки, всю ночь я молился, всю ночь я плакал и плакал безнадежно. Любовь к ребенку и душу терзающая жалость к его страданиям вселили в меня желание умереть вместо моего дорого сына. Я просил Господа, что если сужде-



Анастасія Курьолович, 1915



Лука Курьолович, 1915

но умереть моему сыну, то чтобы эта смерть была ниспослана на меня и я принимаю ее ни только безстрашно, но с принисением за это Господу Богу особой великой благодарности. Так велико было чувство родительское к этой маленькой крошке.

Жар не спадал: Костенька наш болел по прежнему. Врач Сорочинский от больного не отходил.

Проживавшая в это время одна бабушка католичка посоветовала нам отслужить обедню за здоровье Костеньки в Костеле Св. Великомученика Валентина (местность в 20-30 верстах от Брест-Литовска). И призвать этого Великомученика быть заступником больного Костеньки. Решение папы и мамы было принято с великою надеждою: обедня была отслужена, Св. Великомученику Валентину начали молиться. Костенька стал поправляться.

Дитя мое! Я обращаюсь к тебе! Я и мама в великой печали и скорби и со столь же великой надеждой и верованием свято при-

звали Св. Великомученика Валентина быть твоим Великим Заступником и хранителем на всю твою жизнь и призвание этого Святого есть для тебя священно от ныне на всю жизнь.

Костенька! Дитя мое родное! Надежда твоих родителей велика, ты, пятый ребенок от твоих родителей будешь Господом Богом храним. Заступничество этого Великого Святителя и Мученика за тебя пред Господом велико, ты верь и верь глубоко и всю жизнь вставая и ложась вспоминай своего Заступника, молись ему и благодари его. Это первая заповедь, которую тебе дают твои родители и, смотри, ты свято ее выполни, ибо и твои бедные родители дали обещание молиться за тебя этому Великомученику всю жизнь свою.

Август 1915 года

Приближение к Брест-Литовску неприятеля продолжается. На первой очереди было суждение как-бы заблаговременно отправить из Кобрин семейства (т.е. маму



и Костю) в безопасное место. Решение было принято и мама с Костенькой уехали из Кобрин 6 августа вместе с женою Воинского Начальника в гор. Могилев. Так как в одном купе поместились: мама, Костя, тетя Настя с Ниночкой, Поля (няня Кости) и тетя Ксения, едущая только до ст. Дрогичин, то Костя капризничал: ему мало было места (надо было войти в положение Костеньки, — он жил в пяти комнатах и на отдельной усадьбе, а тут сразу поместили в одной маленькой комнате, разве это не обидно).

Страшно и больно было разставаться папе со своим дорогим сыном, душу гнетущие мысли не давали покоя. Особенно боялись папа и мама за то, будет ли Костенька здоров в пути при непривычной ему езде. Наконец папа простившись с Костенькой и мамой, с молитвой на устах благословил их счастливый путь. Поезд увез маму с Костенькой около 9ти часов вечера.

С 7 по 14 августа папа работал по приему новобранцев Кобринского уезда и прибывших в Кобрин новобранцев из занятых неприятелем уездов: Ковельского, Владимир-Волынского и Брест-Литовского. С 7 по 14 августа папа не получал от мамы ни одного письма (почта не в состоянии была работать правильно) и это страшно мучило папу. Наконец в виду приближавшегося к Кобрину неприятеля на расстояние 23 верст (ст. Жабинка) 14 августа было эвакуировано и Управление. Управлению предписано было отправиться в Борисов, Минской губ. Но доехав до Гомеля, в виду тревожных слухов о наступлении неприятеля на Минск, Воинский Начальник и папа порешили направиться в Калугу. Из Гомеля был послан мною писарь о розыске мамы с Костенькой. Был дан ему маршрут ехать в Могилев, Оршу, Смоленск и как только найдет маму и Костеньку сейчас же телеграфировать о их здоровье. Папа с Управлением прибыл в Калугу 22 августа, а 24 числа разместились по Ивановской улице в Гарбуновских казармах.

Папа страшно скучал боясь за судьбу мамы и Костеньки, а в особенности боясь за здоровье Костеньки. Были даже моменты когда папа плакал. 27 Августа за обедом я получил от писаря телеграмму, которая

гласила: «Семейство Смоленске, здоровья». У папы тяжесть от сердца отлегла. В тот же день вечером приехал и писарь, командированный мною для розыска семейства и подавший телеграмму в пути. Привезенные им новости были утешительны. Папа в тот день благодарил Господа Бога за здоровье Костеньки. Заручившись точным адресом, папа в тот же день отправился в Смоленск, чтобы перевезти семейство в Калугу.

Мама с Костечкой, тетя Лиза со Степochкой и тетя Настя с Ниночкой проживали по Верхне-Донской улице (с тетей Лизой и Степochкой папа случайно встретился в пути около Лунинца и отправил их в сопровождении писаря к маме).

При приближении к дому, в котором жил Костенька, папа от радости сильно волновался. Когда папа пришел в квартиру, Костенька спал еще. Решено дело против всех желаний папы, не будить Котика. Но тут желание папы исполнилось: Костенька услышал голос папы и проснулся.

Увидев папу Котик истерически начал плакать и прятаться, украдкой между тем поглядывая на папу. Ясно было детское сердце переживало трогательно-радостные минуты. Долго приходилось уговаривать расстроенное дитя, чтобы оно пошло к папе на руки, но напрасно: Котик поглядывал на папу, плакал на — взвир и на руки к папе идти не хотел. Прошло долгое время. Папа пил чай, как будто-бы не обращая на Котика внимания. Вдруг, о изумление... Котик мой вырывается из рук няни и прямо бросается папе на шею и стал много, много раз целовать папу. Боже! Какое счастье радости испытывал в тот вечер папа. Костенька весь вечер смотрел на папу и по временам протягивал папе свои детские губки для поцелуя. Видно было, что детское сердце чувствовало в это время себя счастливым, находясь вблизи своего дорогого папы.

Все мы отправились из Смоленска в Калугу 29 числа и прибыли благополучно, хотя и пришлось на ст. Смоленск просидеть, в ожидании свободного места в вагоне, целые сутки, так как во всех отправляющихся поездах не было свободных мест ни только во втором классе, но и в первом. Пришлось бы и больше ожидать на станции, если — бы не уступили места кадеты, едущие в Москву.



Анастасія і Іосіф Курьолович, брат Луки

Мама между прочим рассказывала, что в пути из Кобрин в Смоленск, в одном месте Котик увидел из окна вагона солдата в фуражке с красным околышем, т.е. в фуражке, похожей на папину. Котик рванулся из рук и начал кричать: «папа, папа». Но это был не папа: и Котик страшно смутился.

В Калуге Котик с папой и мамой стали жить с большим сокращением всех кобринских удобств. Так например, квартиру, отведенную городом, заняли из двух комнат. Дороговизна постоянно стала возрастать и в начале весны 1916 г. стала сама по себе страшной. Папа приводит примерные цены: фунт мяса 50 коп., а на Пасху и совсем его не было, фунт масла от 1 руб. до 1 руб. 30 коп., фунт копченого 75 коп., десяток яиц 6-8 коп., гусь до 8 руб., курица до 5 руб., апельсины и лимоны по 50 коп. штука, фунт крытских яблок до 3 р. 50 к. Из обуви также не лучше: сапоги 50 руб., дамские ботинки до 25 руб. Это цены приводятся апрельские,

но что дальше будет, не известно. Поэтому из получаемого папою ежемесячного содержания 170 руб., хотя и при готовой квартире, отоплении и освещении, — жилось гораздо хуже, чем в Кобрине, где было втрое дешевле.

Котик начал учиться ходить в марте месяце 1915 года, так как до этого времени мама совсем на пол его не пускала. Костеньку водили на привязи до 10 декабря, так как он страшно спешил и мог бы при детской неосторожности упасть и разбиться. Помнится, когда по настоянию тети Лизы, горячо любившей Котика и очень интересовавшейся им, пустили Котика идти самого одного. Эти первые самостоятельные детские шаги представляли собою для всех нас нечто торжественное, историческое. Проба оказалась очень удачной: Котик, оказавшись на воле, подбежал неустрашимо к одному стулу, затем к другому и, наконец, начал бегать по всей квартире, радуясь за свое умение и свободу. Котик был героем дня, все мы его поздравляли и почти довели дитя до слез поцелуями.

8 января 1916 г.

Вечером, у нашего Костеньки появилась жар, а около 12 час. ночи обнаружились верные признаки заболевания.

Более трех часов папа ездил ночью по Калуге, разыскивая детского доктора. Не менее чем в 10ти местах бывал папа, но всюду был ответ, что или доктора нет дома, или-ли доктор сам больной. В каждом месте приходилось от избытка озлобления раздражаться грубостью по адресу эгоизма и недобросовестности «калужских докторов» и все они без всякой, повидимому, обиды принимали все сказанное по их адресу, а ехать к больному все таки не хотели. Наконец был найден врач Максим, который, освидетельствовав Котика нашел в нем признаки бронхита. На другой день был приглашен врач Тимен, который также вынес заключение, что у Котика бронхит. Врач Тимен лечил Котика 7-8 дней и в промежуток этого времени было им признано, что бронхит прошел совершенно. Однако бедненький Котик наш болел по прежнему, а температура то падала, то повышалась и доходила до 39. Помнится, в один день температура подня-

лась до 40. Папа, мама и тетя Лиза плакали над больным Котиком на-взрыд, но искра какой-то святой надежды все-таки во всех нас жила.

Был, затем, приглашен к нашему дорогому Костеньке доктор Битнер, добрый и милый по натуре человек. Он жил в Калуге беженцем из Белостокского уезда. Долгое



Анастасія Курьолович

время Битнер не мог определить точной болезни Котика и только на 13 день болезни, объявил нам, что дорогое наше дитя болеет брюшным тифом.

Боже милостивый, сколько опять было горести, печали, обид на судьбу, рыданий, слез и воплей... Доктор заявил, что при

благополучном исходе болезни, состояние больного должно проявить себя к лучшему на 17 или 21 день болезни. В начале болезни, так приблизительно до 10ти дней наш бедненький Костенька не проявлял себя особенно больным, хотя температура и стояла довольно высокая, но потом сидеть уже на руках Котик не хотел и всегда просился в кроватку, что и доводило бедных родителей до глубокого отчаяния. Одно счастье, что наш больной Котик в последнее время почти постоянно спал и этим поддерживал свои детские силы, необходимые в особенности для больного.

Наконец 25 Января, на 17 день болезни нашего дорогого Котика, температура спала до 36,5 и уже, великое благодарение Всемилостивому Господу Богу и Святому Великому мученику Валентину, температура больше не подымалась.

Искра надежды бедных родителей воскресла, она оправдалась глубокою верою.

Заявляется всему миру, что нет более несчастных родителей в сопоставлении с теми, у которых умирает единственное любимое их дитя и нет более счастливых в мире тех родителей, у которых то же любимое дитя из мертвых воскрешается для жизни.

Целую еще неделю после болезни не спускали Котика на пол и следили особенно за диетой в его детской пище. Наконец Котика пустили на пол, но он оказался после такой тяжелой болезни очень слабеньким: ножки не хотели ему повиноваться, прежняя уверенность в себя исчезла, но несмотря на это он добрился и радовался за себя.

Еще прошла неделя и Котик наш совершенно стал здоровеньким.

12 марта 1916 г. Сегодня Котика обстригли под машинку нр 2. С самого рождения и до этого дня Костеньку не стригли и он ходил в длинных волосиках как мужичек.

21 марта 1916 г. Сегодня Котик упал плазмия на пол и из носика вышло много крови. Папа, мама и тетя Лиза были страшно опечалены этим и много жалели Котика.

23 марта 1916 г. Сегодня Котик не был умненьким: мама и тетя Лиза били Котика розочкой. Днем Котик с папой катался на извозчике.



28 марта 1916 г. Уже некоторое время Котик наш не хочет идти днем спать. Тетя Лиза придумала средство «розочку». Она хорошо на Котика действует: следует показать «розочку» и Котик безропотно идет бай-бай (спать).

29 марта 1916 г. Котик очень любит папу. Когда папа приходит на обед, то обязательно должен поносить Котика на руках. Даже во время обеда папа должен сидеть около Котика.

30 марта 1916 г. Костенька встает раньше папы на 2-3 часа, т.е. Котик в 7 час., а папа в 9-10 час. Когда папа встает Котик подает папе сапоги и брюки и ожидает пока папа оденется, а затем требует, чтобы папа поносил его на руках.

31 марта 1916 г. Уже давно Котик умеет маршировку ать, ва (раз, два). Учит его этому Опа (Степа).

1 апреля 1916 г. Сегодня Котик капризничал до невозможности целый день. Всех посылал от себя «иди» (иди, значит от меня). Спать также никто не мог уложить его. Тогда папа вопрос «поладить с Котиком» взял на себя. Долго папа просил Котика, уговаривал его, обещал Котику все то, что ему только нравится, но напрасно, Котик оставался не умолимым, кричал и шумел на весь дом. Папа впервые раз погрозил Котику розочкой, но Котик остался не устранимым. Тогда папа легонько угодил Котика по «пушке» розочкой. Котик, защищаясь, повернулся на спинку и страшно обиделся на папу. Папа перед Котиком извинился. Весь вечер тот за такой поступок папу страшно мучило и в этот же вечер дал себе папа слово никогда больше не бить Котика розочкой.

2 апреля 1916 г. Сегодня вечером, накануне Вербного Воскресения, Котик был вместе с папой, мамой, тетей Лизой и Степой в церкви (по Благовещенской улице). Он также держал в руках свечку и, тушив ее, обжег себе губки.

3 апреля 1916 г. Если Котик раскапризничается, то бьет кулачком по первому попавшемуся под руку предмету. Тетя Лиза начинает тогда напоминать ему о «розочке». Котик сейчас же успокаивается. Если Котик упадет на пол, то и пол бывает наказан тем же кулачком.

8 апреля 1916 г. Сегодня, в Пятницу на Страстной, Котик прикладывался к плащенице в церкви Жен Мироносиц. Котик, сидя у папы на руках, сам зажег и поставил у плащаницы две свечки — одну за себя, другую — за маму.

10 апреля 1916 г. Сегодня, в день Светлого Христова Воскресения Котик целую ночь не спал. Встал он еще в 11 часов вечера, когда папа с тетей Лизой шли с Заутрени (маме не здоровилось и она в церковь не ходила). Папа, вернувшись из церкви, похристосовался с Котиком и дал ему красное янчко.

12 апреля 1916 г. Сегодня, на третий день Св. Пасхи вместе с папой и мамой Котик был на обеде при архиерейском служении в Казанском женском монастыре. Здесь Котик был не уменьшким: кричал, капризничал и бежал по церкви не удержимо.

14 апреля 1916 г. Сегодня Костя ездил на извозчике вместе с папой, мамой и тетей Лизой за город в местность Подзавадье осматривать нанятую папою для Костика на лето дачу. Здесь впервые раз Котик бежал по песке и пешком пришел от дачи до извозчика.

16 апреля 1916 года. Котик очень любит спать вместе с папою, но это удовольствие доставляется ему только тогда, когда ночью папа найдет его в кроватке мокрым. Папа снимает тогда с него мокрые штанишки и укладывает его около себя. Ночные штанишки для Котика приспособлены в виде двух мешочков. Форма таких штанишек лично проектировалась папою, чтобы Котик, случайно раздевшись ночью, не промерз. Когда Котик спит с папою, то он, как бы по заказу просыпается до 8-10 раз в ночь и каждый раз, поцеловав папу в губы, засыпает опять. Не могу описать той блаженной радости и того святого душевного волнения своего, когда мой милый Котик, мое священное дитя целует своими детскими губками дорогого своего папу.

Милое мое божественное дитя! Папа поражается твоими детскими чувствами любви, откуда они так рано пришли в твою маленькую, безсознательную детскую головку. Но, Боже если бы ты могло сознавать, мое дитя, как и папа тебя любит. Папа может



поспорить с любым отцом в мире, что нет такого отца, который любил бы свое дитя больше, чем папа своего дорогого Котика.

20 апреля 1916 г. Сегодня Котик с папой и мамой переехал на дачу в местность Подзавалье, около Калуги. День оказался не особенно теплым и Котик немного промерз. Сейчас же натопили дачу и всем стало тепло.

29 апреля 1916 г. Сегодня, на вопрос Котику, кто ты? Котик назвал себя: «Кока». Папа, мама и тетя Лиза решили с этого дня называть Котика «Кока».

4 мая 1916 г. Погода в нынешнюю весну стоит не особенно хороша. В воздухе чувствуется холод и по временам дачу приходится отапливать. Наш дорогой Кока одевается очень тепло и по целым дням бегает на веранде. Кокочка очень доволен, что ему много простора.

6 мая 1916 г. На свободе папа играет с Кокой в прятки. Папа, спрятавшись, кричит Кокочке: «куку». Когда Кока не находит папу, то кричит: «папа кука, папа кука».

Когда папа уезжает на занятие то, поцеловавшись с Кокочкой, отходит на несколько шагов и посылает рукою Кокочке «па». Кокочка также прикладывает ручку к губкам, машет ею в сторону папы и кричит «па».

Особенно радостно Кока встречает папу, когда папа приезжает с занятий: он тогда жизнерадостно бросается к папе на руки и долго уже не отходит от него.

15 мая 1916 г. Папа много кое-чего описывает, но о том как Кока умеет говорить не писал. Папа извиняется за свою оплошность и старается скорее написать. Итак привожу разговор Кокочки в переводе:

Або — хлеб, мямя — масло и мясо, уп — суп, момо — молоко, тай — чай, нко — яичко, атка — шоколадка, коха — кофе, пепи — вода, акар — сахар, дуда — блюдечко, гога — ложечка, ци — часы, са — глаза, гуго — ухо, уби — зубки, ле — лес, беди — деньги, бай — спать.

Сын папин дорогой — тин папа гой, Сын папин больной — тин папа бай. Если хочет идти, то указывает ручкой по направлению и говорит: «та, та (туда, туда), а если зовет к себе, то ручкой машет и: «та, та» (сюда, сюда). Если хочет идти с няней в лес, то: «нана ие», если же хочет домой, то:

«папа, мой». Если хочет сказать: «Кока ба-рин», то: «Кока баба».

Если Кокочка гуляет в лесу и ему захочется пить, то тогда ничем его нельзя успокоить, он все время будет капризничать: «нана мой, Кока мома» (няня домой — Коке молока)

Кока очень любит проводить время в лесу и, таким образом, дома почти не находится. Удерживать его целый день дома, — это значит приготовиться к скандалностям на целый день. Много также труда стоит и уложить Коку бай (спать). Впрочем бай он идет охотно, а в особенности когда и папа вместе с ним идет, но усыпить его, вот это так задача.

Уложившись в кровать Кока сейчас же пускает в ход свою словоохотливость и говорит без умолку все то, что он знает. Обыкновенно он начинает так: «иди, мама, Кока папа бай (кока с папой спит), иди, тетя, иди, няня, Кока папа бай, иди, ать ва (раз два, т.е. солдатики), Кока папа бай, иди, тай (чай) Кока папа бай» и т.д. Потом обыкновенно как через час, а то и два измученный и вспотевший засыпает.

17 мая 1916 г. Сегодня Кокочке исполнилось два года. Папа, мама и тетя Лиза поздравляли Кокочку с днем рождения и много раз все мы его целовали.

13 июня 1916 г. Сегодня Коке купила мама калоши. Так как на даче от постоянных дождей сыро, то все мы боялись, чтобы Кока не простудился. Кока очень доволен остался своею новою обувью.

15 июня 1916 г. Кока узучил уже несколько гимнастику. Маршировку он делает так: берет палочку на плечо (думает папа на днях ему кушать) и под команду папы «марш» (и) начинает ножками тупать и кричать: «ать, ва, ать, ва», а когда последует команда «стой», то моментально останавливается.

Когда Кока идет в атаку, то возьмет палочку в обе ручки и протянув ее вперед, бегит и кричит: «ля!ля!ля!» (Ура!).

24 августа 1916 г. Все лето было невыносимо дождливое и холодное. Удовольствий дачники получили мало. Кокочка почти целое лето гуляет в осеннем пальто, гетрах и галошах. Дача, снятая папою, оказалась сырою и для такого холодного лета

— непригодною. С 18 Августа Кокочке стало нездоровится и поэтому мы сегодня переезжаем на зимнюю квартиру в город.

25 августа 1916 г. Сегодня был на квартире доктор Битнер, чтобы осмотреть Коку. Кока, невидевший доктора более 6 месяцев, сразу его узнал и поднял страшный шум. В скорости Коку удалось успокоить и он стал на столько смелым, что сам даже охотно показывал доктору язычек. Доктор признал у Кокочки небольшие бронхитные явления, что и успокоило несколько папу и маму.

3 сентября 1916 г. Сегодня стоял хороший ясный солнечный день. Кокочка вместе с папой, мамой и Степой ходил пешком за покупками. Коке купили желтые сапожки и белую барашковую с наушниками шапочку, а маме тоже желтые ботинки. Свои покупки Кока носил сам. Цены на обувь против цен мирного времени стоят невероятные. Так например: за ботинки Коки уплачено 7 р. 25 коп., а за ботинки мамы — 19 руб. (это по таксе, а до таксы продавались дамские ботинки по 25 руб.), тогда как по мирному времени эти ботинки можно было купить: детские за 1 р. 50 к., а дамские за 6-7.

В этот день Кока в качестве покупателя расхаживал по магазинам охотно и только в одном магазине была неудача. Кока увидел толстого купца и, долго с недоверием поглядывая на него, принял его за доктора.



Кося с мамой, 1915

Тут то и пропала вся энергия Коки: тут то он поднял шум и моментально со своими покупками начал собираться домой. На силу удалось уговорить Коку, что это не доктор, а просто это только дядя. Кока успокоился, хотя и с очень осторожным доверием. Мама, Кока и Степа уехали домой на извозчике.

25 сентября 1916 года. Сегодня папе приподнес писарь Русский Инвалид № 253 где значилось, что папа награжден орденом Св. Станислава 2 степени (ордена Св. Станислава 3 степени и Св. Анны 3 степени папа уже имеет). Кокочка, мама, тетя, Лиза, дядя Демьян и Степа папу поздравляли с этой на-

градой. Папа по этому случаю купил Коке множно (много) шоколаду.

26 сентября 1916 года. Сегодня к нам в Калуту приехала крестная мама Коки — Юлия Антоновна Палидина. Крестная мама купила Коке зайчика, собачку, утку и матрошку. 27 числа крестная мама Коки обратно уехала в Сычевку, расцеловав Коку в губки, лобик, головку и ручки.

1 октября 1916 года. Сегодня, в день Покрова Пресвятой Богородицы, Кока в церкви Св. Иоанна Предтечи приобщался Св. Таин. Папа и мама Кокочку поздравляли. В церковь и обратно Кока шел пешком.

11 октября 1916 г. Сегодня папе приподнесли писаря «Русский Инвалид» № 268, где значилось, что папа произведен в Титулярные Советники со старшинством с 13 Марта 1916 года. Кокочка, мама, тетя Лиза и Степа поздравляли папу с про-



извозством. Папа приподнес Коке больших сочных груш, т.е. именно, что Кока очень любит. Дороговизна на фрукты в этом году стоит баснословная. Папа платил за каждую грушу по 30 копеек. Сегодня купил Кокочке также красный башлычек.

16 ноября 1916 г. С 9 Ноября папа взял отпуск в Москву и Петроград сроком на две недели. В Москве папа пробыл два дня, а в Петрограде трое суток и 15 числа вечером, скукая по Кокочке и маме, папа возвратился домой. Из достопримечательностей Петрограда папа осмотрел: Исаакиевский и Казанский соборы, музей Александра III, Усыпальницы Царственных особ, находящихся в церкви в Петропавловской крепости и Домик Петра Великого. Особенно поразили папу величина и богатство Исаакиевского собора. В соборе этом имеется изображение Исаакia Долматского, вырезанное из слоновой кости собственно-ручно Петром Великим; работа изображения, надо сказать, великолепно — художественная и надо только поражаться той великой гениальной способностью, которою был одарен наш Царь. В Казанском соборе папа прослушал всю обедню. Хор этого собора, состоявший приблизительно из душ 60 певчих, пел великолепно хорошо. Усыпальницу Коронованных Особ следует посмотреть каждому смертному: много, много там всего интересного.

Очень интересен также и Домик Петра Великого: своевременная постройка этого Домика и до невозможности маленький размер его ясно говорят о малых претензиях на великое нынешней большой России. Весь домик состоит из рабочего Кабинета Царя размером приблизительно не более 4х6 арш., а спальня около 3х3 арш., рабочего же кабинета увидеть папе не удалось. В столовой Царя (теперь там совершается богослужение) имеется образ Спасителя, которым некогда был благословен на Царство Михаил Федорович Романов. Образ имеет сверху надпись: «сердце Царево в Руцях Божией». Около Домика, под крытым навесом хранится также и лодка, сооруженная собственноручно Петром Великим. Лодка размеров больших, постройки плоскодонной, по фасаду представляется очень модною и на вид

кажется почти новою. В лодке лежат также весла работы Петра Великого.

На память о поездке в Петроград папа в этом же Домике купил для Кокочки медальочку с изображением на обороте Доминка Петра Великого, а подарком из Москвы папа привез Коке теплое суконное платице.

При встрече Кокочки с папою, Кокочка так растерялась, что только мог говорить: «Это папа, это папа» и сейчас же от радости бросился к папе на руки и начал целоваться со своим папочкой.

4 декабря 1916 г. Сегодня Кока был с мамою и тетею Лизою у обедни в церкви так называемой «Калужского Земства». В церкви Кока стоял очень чинно и вел себя довольно прилично, т.е. так именно, как подобает это большому умному мальчику. Кокочка приобщался Св. Таин. Мама, папа и тетя Лиза поздравляли Кокочку с принятием Св. Таин. В церковь и обратно Кока ехал на санках.

5 декабря 1916 г. 28 Ноября приехала в Калугу крестная мама Коки — Юлия Антоновна. Крестная мама купила Коке большой мяч и в тот же день уехала в Петроград.

10 декабря 1916 г. Сегодня исполнилось Коке год как он начал самостоятельно ходить. Мама преподняла Коке, как большому уле мальчику, в подарок пол — дюжины носовых баяристовых платков.

11 декабря 1916 г. Сегодня, в день Ангела папы Кокочка первым, а затем мама и тетя Лиза поздравляли папу с днем Ангела. Кока, мама и папа были у обедни в церкви Калужского Земства и отслужили молебень о здравии.

15 декабря 1916 г. Сегодня мама с тетей Лизой взвешивали Кокочку. Кока оказался весом в 41 фунт. Коку также взвешивали и 2 Октября. Весил он тогда 36 фунтов. Значит за 2 месяца и 13 дней Кока прибыл весом ровно 5 фунтов.

19 декабря 1916 г. Крестная мама Коки — Юлия Антоновна теперь уже живет в Калуге т.к. супруг Юлии Антоновны — Александр Александрович назначен Смотрителем Калужского продовольственного магазина. И вот сегодня папа с Кокой и Степой отправились в гости к крестной маме Коки.



Интересовался очень папа тем как на Коку действуют звуки граммофона, т. к. со дня эвакуации Коки из гор. Кобрин, т.е. 6 августа 1915 года Кока граммофонной игры не слышал. Надо сказать, что в Кобрине папа ежедневно играл Кокочке на граммофоне, но Кокочка тогда был таким еще маленьким, что ровно ничего не понимал. Граммофон же свой папа потерял при эвакуации вместе со скарбом и других своих вещей.

Чтобы на первых порах не утратить Коку папа сначала сыграл Коке тихое мелодичное «Коль славен». Кока всем чутьем насторожился. Но потом... потом Кока перекрестился: «Оца и Тыта» (Отца и Сына) и бросился бежать в другую комнату. Папа успокаивая Коку, привел его опять за руку в ту комнату, где играл граммофон. Но Кока перекрестившись: «Оца и Тыта» опять убежал от граммофона. Тут уже для папы стало совсем ясно: Кока сообразил, что он находится в церкви, но так как певчих не было на лицо, а играла вместо них какая то труба, то, при всем желании Коки быть богомольцем, эта то труба и наводила страх на Коку.

Однако Кока скоро успокоился и так расхрабился, что целый вечер под граммофон танцевал с папою. Крестная мама угощала Коку сладостями и какао.

20 декабря 1916 г. Сегодня тетя Лиза и Степа уехали в Лунинец к дяде Демьяну. Папа и мама чувствуют, что Кокочка теперь будет скучать по ним. Степа для Кокочки был товарищем по игре, а тетя Лиза опять таки много любила и баловала Коку. Как же не скучать тут по таким милым людям.

24 декабря 1916 г. Сегодня Кока нашел большую коробку шоколада. После того как Кока поел уже изрядно этого шоколада, птичка с елки остаток шоколада украла от Коки. Долгое время Кока угаваривал и просил птичку чтобы та вернула ему шоколад, но напрасно: птичка молчала и вернуть шоколад Коке не хотела. Выйдя из терпения Кока бросился на птичку с кулаками и наверно, пришлось бы плохо быть птичке, если бы папа не поспешил принять участие посредника в этом деле. Птичка передала на ухо папе, что шоколад она возвратит Коке только лишь завтра, что в свою очередь папою было передано Коке и Кокочка сейчас же успокоился.

25 декабря 1916 г. Сегодня Кока с папой и мамой был у обедни в церкви Калужского Земства и приобщался Св. Таин. В церкви Кока не был умненьким, т.к. вел себя очень шаловливо, и чуть не довел маму до слез. Вечером в доме Коки было много гостей. Кока в этот вечер был веселым и шаловливым. Он так подругил со всеми детьми, что почти все сладости и орехи перетаскал со стола в спальню для угощения своих товарищей.

26 декабря 1916 г. Кокочка с папой и мамой был сегодня в гостях у крестной мамы Коки. Угощали здесь Коку на славу. Не дождавшись до ухода гостей, Кока уснул, так что пришлось Коке поневоле заночевать в доме его крестной мамы.

1 января 1917 г. Сегодня Новый Год. Кокочка, папа и мама поздравляли друг друга с Новым Годом, желая друг другу лучшего счастья и здоровья и вернуться всем нам в наступающем году в дорогой наш Кобрин. Кока, папа, мама и няня Поля были у обедни в церкви Калужского Земства. Вечером были у учителя Рабчевского в гостях. Кока вел себя очень прилично и, не ложившись спать, вернулся из гостей в 3 часа ночи.

6 января 1917 г. Вот уже третий день как Кокочка кашляет и температура стоит немножко повышенная. Приглашается к Кокочке доктора Битнер и Благовещенский и оба они выносят заключение, что у Кокочки бронхит. Кашель же у Коки подобный коклюшному. И думается, что безусловно у Коки коклюш, так как и у Коли Палидина признано начало неоспоримого коклюша, а Кока и Коля бывают ведь почти постоянно вместе.

20 января 1917 г. С 6го Января осматривали Кокочку и Битнер, и Благовещенский, и Гейер и все они признают у Кокочки бронхит, хотя док-р Битнер соглашается также и на возможность коклюша. Температура у Кокочки бывает не выше 37, 4. т.е. такова, что не внушает слава Богу, опасности. Кроме того купает Кока хорошо и играет как обыкновенно здоровый ребенок.

25 января 1917 г. Сегодня папа взвешивал Кокочку и оказалось, что Кокочка весит всего лишь 38 фунт. Бедный мой сыночек! ведь ты еще 15 Декабря прошлого года



весил 40-1 фунт, а треперь, по прошествии 40 дней, ты весишь на 2 фунта меньше..... Наш миленький и дорогой сыночек, наш бедненький мальчик.... Папа и мама страшно мучаются этим... Решен как можно чаще и лучше кормить Кокочку, нашего больного сыночка. Радует папу и маму только то, что Кокочка все время играет хорошо и этого недуга на нем не заметно.

2 февраля 1917 г. Температура у Кокочки нормальная; кашляет заметно слабее: играет хорошо, даже можно сказать, весьма усердно, т. к. стаканы, кружки, тарсики и миски пьют направо и налево. Из посуды Кокочка уничтожает ежедневно 3-4 вещи. Да и немудрено, ведь папа разрешил ему полную свободу безнаказанно воевать с посудой.

15 февраля 1917 г. Вес Коки в сегодняшней день определенлся в 38,5 фун., т.е. за 20 дней Кока прибыл весом на 1/2 фунта. Слава тебе Господи и за это. Температура у Кокочки нормальная, хотя немножко еще кашляет. Кушает Кока хорошо и заметно любит простую пищу, как то: черный хлеб, кашу, борщ и т. д. Одним словом, все то, что любит его папа. Вместе с Кокой также взвешивались папа и мама. Вес папы ровно 67 фунтов, а мамы – 5 фунтов 12 фунтов.

26 февраля 1917 г. С 21 февраля Кокочке стало хуже: температура стала повышаться временами до 38,8, перестал бедненький кушать и заметно стал слабеть. Доктор Битнер не отходил от Кокочки. Мама и папа, убиваясь о Кокочке, только и дело, что сидела около него и плакала. На 3 день осложнившейся болезни, т.е. 23 Февраля, кроме всего этого появились еще у Нашего Кокочки в области живописки сильные боли. Это было в 8 часов утра. Кокочка плакал и кричал безумолку: «вава животик, вава». Перепуг был неописуемый. Папа бросился за доктором Битнером. До приезда папы с доктором Кокочка уже несколько успокоился, т. к. мама за это время поставила Кокочке клизму и освободила этим желудочек от излияния. Но все таки и после этого желудочек казался не важным, т. к. Кокочка часто стал нарекать на «ваву животик». Кокочка с каждым днем слабеет и худеет. Доктор Битнер бывает каждый день и ничего

опасного не замечает. Папа и мама страшно волнуются и плачут. Все время этой болезни папа носит своего дорогого сыночка на руках. Он так привязался к папе, что ни к кому другому не хочет идти. Блюд готовится Кокочке много, но он, кроме молока, ничего не хочет есть. Папа пускается на хитрость и предлагает Кокочке сесть хоть одну ложку супу или чего нибудь другого за здоровье папы. Когда Кокочка съест одну эту ложку, то папа предлагает сесть вторую за здоровье мамы и т.д. покамест хоть сколько нибудь ни накормит больного Кокочку. Кашель кокающий у Кокочки сильный и продолжительный и при схватках этого кашля у Кокочки появляется из носика сильное излияние крови. Битнер посоветовал в ноздри носика закладывать ватные балванчики, омоченные предварительно в желатин, в растворенном виде. Кокочка этой операции над собою не позволяет сделать. Папа опять начинает хитрить: закладываются ватные балванчики папе, маме и няне и Кокочка, видя, что это красиво и забавно, соглашается чтобы и ему точно также сделали. После этого кровоизлияние у Кокочки прекращается. С 21 и по настоящее число папа дневника по ежедневным записям вести не мог, т. к. все время старался быть около больного Кокочки, но сегодня сыну папину (моему) немножко лучше и папа решился заполнить это печальное до боли место дневника. Пусть Господь благословит мою следующую запись лучшим радостным и светлым ...

1 марта 1917 г. Кокочке слава Богу лучше: температура у него нормальная и на деле он кажется здоровеньким. Благодарение Господу Богу за улучшение здоровья дорогого нашего сына Кокочки.

3 марта 1917 г. Дорогой мой сын! Возвещаю тебе великую и неописанную радость. Наша дорогая родина угнетенная вековыми узами рабства отныне стала Свободной. Известие об этом Великом событии получилось в Калуге только сегодня, 3 Марта. Я не в силах описать тебе той великой радости, что переживает весь народ Русский в эти великие исторические Освободительные Дни. Лично моя радость так велика, что я буквально не могу давать себе

ясного отчета обо всем творящимся в народе, а вместе с тем и со мною самим. Да и как тут не волноваться и не теряться от радости: наши отцы, деды и прадеды были вечными узниками и рабами, а мы в один Светлый день просыпаемся и видим себя свободными гражданами нашего отечества.

Приветствую тебя, дорогое мое дитя, с именем Великой Свободы, приветствую тебя, дорогой мой сын, как свободного гражданина Великого нашего отечества. Мы вырастем, Бог даст, и вполне ясно, думаю, разберемся с этим вопросом, и тогда лишь достаточно сумеем ориентироваться насколько важно для народа то, что случилось в эти Исторические Великие Дни судьбы Великого Народа. Чтобы ярче уяснить тебе весь механизм творившагося в эти Освободительные Дни Государственного переворота, я сохраняю тебе, дорогой мой сын, несколько номеров Московских газет и они будут служить тебе лучшим указанием работ наших народных представителей в освобождении от гнета дорогого нашего Отечества.

Пусть благословит Господь Русский Народ на новом пути обновленной Великой России, пусть Господь пошлет ему на-



Косця з мамай і двайрадным братам Сцёпану, 19166

шим народным представителям в лице Государственной Думы, борцам — освободителям истерзанной родины.

Да здравствует Свобода! да здравствует равенство! да здравствует братство!

19 марта 1917 г. Сегодня исполнилось два с половиною месяца, как наш беденький Кокочка не бывал на дворе по причине нездоровья. Но так как у Кокочки слава Богу уже около 3 недель как температура стоит нормальная, то решено было его милого мальчика показать на Свет Божий.

И вот Кока, мама

и папа ездили сегодня на извозчике в гости к крестной маме Коки — Юлии Антоновне. Бедный мой славный мальчик, какой он был счастливый и жизнерадостный в сегодняшний день. Папа и мама особенно велико были счастливы в этот день за дорогого нашего Кокочку. В 7 час. вечера Кока с папой и мамой возвратились домой, и Кокочку тут же уложили в кроватку бай — бай.

23 марта 1917 г. Сегодня к нам приехали тетя Лиза со Степочкой и дядя Демьян. Ко времени приезда Коки и мамы не было дома, т.к. они были у крестной мамы Коки — Юлии Антоновны. Приездом этим готовился для Коки большой сюрприз. Как только

Кока показался в квартиру, навстречу ему из другой комнаты выбежал Степа и стал кричать: «Кокочка, Кока, Кока!» И действительно, Кока так был застигнут врасплох, что у него моментально покрылось личко румянцами и с разведенными повисшими в воздухе рученками, он в пол-голоса начал записывать: «О... О... Оп... это... Опа...» Поздоровавшись со всеми, Кока быстро оправился и сейчас же начал завоевывать свое положение. На радостях этого дня, Коку в очень позднее лишь время удалось уложить в кроватку.

26 марта 1917 г. Дороговизна стоит невыносимая, так например: фунт белого хлеба – 20 – 25 коп., черного – 12-15 коп., фунт мяса волового – 75 коп., телятины – 70 коп., фунт сала свиного – 1 р 70 коп., окорка – 1 р 70 коп., колбасу – 1 р. 60 коп., колбасы сухой Московской – 2 руб., фунт грибов от 6 до 8 рублей, фунт коровячего масла до 3 руб., десяток яиц – 2 руб. 80 коп.

Не в меньшей мере возросла дороговизна и на предметы домашнего обихода, например: сапоги мужские до 70 рублей, дамские ботинки: мелкие – до 40 руб., с длинными голенищами – до 60-65 рублей, пара подошв до 15 руб., тужурка – до 60 руб., брюки – до 50 руб., дамское весеннее пальто – до 100 руб., аршин рубашечного полотна до 2 руб., а за работу самой рубашки до 1 руб. 50 коп. Одним словом: «времена» пошли, только Господь пережить их.

31 марта 1917 г. Кока с дядей Демьяном и Степой побывали сегодня в 3х церквях и в каждой из них Кокочка прикладывался к Плащенице. Путешествуя все время пешком в качестве богомольца Кока так измучился, что дяде Демьяну пришлось нести домой Кокочку сонного на руках. На пути по дороге домой папа встретил своих богомольцев и самого Кокочку на своих руках принес домой.

2 апреля 1917 г. Сегодня, в день Светлого Христова Воскресения, Кокочка, папа, мама, тетя Лиза, дядя Демьян, дядя Гриша (приехавший в гости накануне праздника) и Степа поздравляли друг друга с Высокопраздничным праздником. Папа и мама приподнесли Кокочке по красному яичку. Днем Кокочка гулял с папою и нянею по городу.

14 апреля 1917 г. Сегодня папа купил Коке много яблок, и замечательно то, что за одну только грушу папа уплатил один рубль и это, пожалуй оказалось переплаченным, т. к. торговка, непременно желала получить за нее 1 р. 25 коп. Если такие цены будут на фрукты спустя 20 лет, то быть может это и не будет удивительным, но для настоящего времени это сказочное баснословие в дороговизне.

29 Апрель 1916. Сегодня, на вечер. Папаша, кто та? Папаша называет его: Кока. Папа, мама и тетя Лиза ржали от этого так называли Папаша Кока.

4 Мая 1916. Погода в Петербурге была стоит на осеннем морозе. В воздухе чувствовался холод и по белым снежкам шли птицы. Папаша, мама, тетя Лиза, Кока сидели. Они тихо и по чуть-чуть. Папаша, мама, тетя Лиза, Кока сидели. Они тихо и по чуть-чуть. Папаша, мама, тетя Лиза, Кока сидели. Они тихо и по чуть-чуть.

6 Мая 1916. На свободе папа играет в Коку в прятки. Мама, спрятавшись, кричит: Кока! Кока! Кока! Кока не находит папу, то кричит: папа куда, папа куда? Когда папа уйдет на закате.

Старонка рукапісу

20 мая 1917 г. С 8 по 17 мая папа был в Орле на первом организационном Съезде чиновников Делопронизводителей Управлений Уездных Воинских Начальников. На этом Съезде папа был избран в Секретари Съезда, а затем большинством голосов избран делегатом для отвоза в Петроград в Особую Совещательную Комиссию протокола Съезда. Мама рассказывала, что Кокочка сильно скучал по папе и по несколько раз в день спрашивал: «мама, где наш папа?». А в одну из ночей Кокочка, проснувшись, начал неумолимо плакать за своего папу, так что наслу удалось маме успокоить Кокочку. Приехав домой, папа преподнес большую коробку шоколада Коке.



Боже! Какой папа был счастлив, когда застал дома здоровеньким своего дорогого Кокочку: большого счастья папы не нужно было.

21 мая 1917 г. Сегодня день Ангела нашего дорогого сына. Папа, мама и тетя Лиза горячо поздравляли Кокочку. Папа преподнес сыну своему много яблок, т.е. именно то, что Кокочка очень любит.

24 мая 1917 г. Отсутствие папы с 8 по 17 мая, повидимому, страшно осталось памятным для Кокочки и это заметно потому, что Кока теперь ни на шаг не отстаёт от папы. Если Кокочка раскапризничается и нет уже мер, чтобы унять его, то достаточно устроить его, что папа уедет на войну, и Кока моментально становится самым послушным и покорным ребенком. Дитя мое дорогое! Ты любишь своего папу... Папа также любит тебя: он живет тобою, он живет для тебя.

25 мая 1917 г. Сегодня папа получил из Минска телеграмму с предложением согласен ли папа занять должность помощника Начальника Инспекторского Отделения Управления Отдельного руководителя 5го участка. Принимая во внимание, что должность эта седьмого класса, папа в тот же день телеграфировал о своем согласии, с указанием о необходимости для сего войти в соглашение с Начальником Варшавской местной бригады.

27 марта 1917 г. Телеграмма от Отдельного Руководителя папой получена, что запрос Начальнику бригады о неимении препятствий к переводу сделан.

30 мая 1917 г. Получилась от Начальника бригады телеграмма с запросом не встречается ли для Управления препятствий о переводе папы в Управление Отдельного Руководителя. Ответ был телеграфирован, что: «препятствий к переводу Делопроизводителя Куриловича не встречается точка аттестуется хорошо».

Значит, перевод состоится, а следовательно папе придется разстаться и с Кокочкой и с мамой, т. к. в Минске семьям военных проживать запрещено в виду близости фронта.

Но, Боже, как это трудно будет разстаться папе со своим милым сыночком и до-

рогой мамочкой. Уже и сейчас папа не может без слез подумать об этом. А что же будет когда папа будет отъезжать. Страшно и страшно думать об этом.

1 июля 1917 г. Сегодня целый вечер Кокочка гулял с папой и мамой. Кокочка все время резвился и был до чрезвычайности веселый, а папа и мама грустные. Мысль о предстоящей разлуке с дорогим сыном положительно не давала папе покоя.

8 июня 1917 г. Сегодня день отъезда папы к новому месту служения. Мысль о том, что папе приходится разстаться со своим дорогим сыном и дорогой мамой настолько мучит папу, что буквально папа не может ни на чем сосредоточиться: нервность, разтерянность, усталость и слезы, — вот симптомы явления, удручающие папу. Папа едет через Москву, а вместе с ним до Москвы едет Кокочка и мама, а оттуда уже поедет папа сам один. Кокочка уже знает, что он поедет в Москву, поэтому что он целый день почти ежеминутно спрашивает скоро-ли мы поедим в Ку (Москву). Он даже согласился сегодня днем поспать лишь бы его взяли в Ку.

Дорогой мой дневничек настало время проститься, и дай Господь Бог чтобы это не надолго. Молю Господа Бога, чтобы мне было суждено взять тебя в руки с радостью и преодолжать с тобою беседы о дорогом и горячо любимом моем сыне Кокочке.

21 июня 1917 г. 8 Июня, в 10 час. вечера папа, мама и Кокочка отправились в Москву. Кокочка очень был доволен, что едет «машинкой». В Москву прибыли в 8 ч. утра на другой день и остановились в гостинице около Александровского вокзала. Кокочке очень понравилась езда на трамваях и в этом ему папа, Боже избавь, не отказывал. Следовало только лишь показаться какому нибудь трамваю как Кокочка целует с жаром в обе руки папы и просит чтобы как можно скорее ехать на «машинке». Удивительно, что ничто Коку в Москве не интересовало: трамвай да автомобиль — это лишь только и было предметом его внимания. Папа с Кокочкой и мамой были в Москве только 9 и 10 числа. Весело было Кокочке в Москве, но грустны были папа и мама. Железным кольцом сжимало папе грудь



при мысли, что вот скоро, скоро придется разставаться с дорогим и горячо любимым своим сыном.

При проездах в трамваях Кокочка всегда стоял у окна близко, близко около папы, смеялся, радовался, а папа смотрел на него и плакал (Сын мой дорогой, дитя мое родное, мое единственное на свете счастье, я должен сказать тебе, что я пишу эти заметки и также слезами плачу, как малое дитя).

Но вот 6 часов вечера 10 числа. Папа с Кокочкой и мамой на Большой Тверской у своей гостиницы, т. к. в 9 ч. вечера папе надо уже уезжать. Но Кокочка маленький он ничего еще не соображает и у него одна мысль: хочется кататься на машинке. Не выполнить просьбу Кокочки, — это камнем бы лежало на совести папы, и папа с Кокочкой съездит еще на Ходынское поле.

Около 8 часов собрались и седем на вокзал (от гостиницы вокзал несколько шагов). Папа несет Кокочку на руках и крепко, крепко целует его со слезами на глазах. Вечер стоит прохладный, а папе душно и жарко. Дядя Гриша нашел в вагоне место и уложил папы вещи. Общими силами начинаем готовить Кокочку, что папа поедет сам один и что скоро вернется назад. Но ни тут — то было: Кокочка неумолимо поднимает скандальный плач. Подается второй звонок к отходу поезда и папа в истерическом состоянии прощается с Кокочкой и мамой, целует Кокочку по несколько раз в ручки, лобик, губки, щечки. Кокочка подымает страшный крик. Папа входит в вагон, но тут же выбегает и бросается опять безумно целовать Кокочку. Третий звонок и дядя Гриша уносит истерически рыдающего моего дорогого и горячо любимого сына. Папа уезжает.

Милостивый Боже! Не допусти Ты меня переживать более таких трудных минут. От 9 ч. вечера до 12 ч. ночи папа, углубившись в угол вагона, плакал как ребенок. Это же с папой повторилось и на следующий день.

К месту нового служения (м. Глубокое Виленской губ., а не Минск, т.к. Управление переехало) папа прибыл 12 июня вечером, и на другой же день, 13 числа, вступил в исполнение должности. Осмотревшись

кругом, папа решил во что бы то не стало забрать к себе Кокочку с мамой. 17 числа папе была отведена Комендантом квартира и в тот же день папа послал маме телеграмму, что он забирает к себе Кокочку с мамой. 17 числа было послано маме заказным письмом удостоверение на свободный проезд. В письме указывалось, что мама с Кокочкой должна выехать из Калуги 27 числа, т.к. 29 числа папа будет их встречать в гор. Полоцке. Боже, какое счастье: папа скоро увидит своего дорогого сына.

22 Июня 1917 г. Сегодня получено от мамы письмо. Мама и Кокочка здоровы. Папа радовался и молился Богу.

23 Июня 1917 г. Папа сегодня получил от мамы телеграмму, что мама с Кокочкой выедут из Калуги 27 числа. Приезжай, дорогой мой сын, папа ждет тебя, мое ненаглядное дитя.

28 Июня 1917 г. Завтра папа имеется встречать в Полоцке Кокочку с мамой и сегодня, следовательно папа выезжает из Глубокого. Боже! какая радость.

29 Июня 1917 г. 7 час. 35 мин утра. Поезд подходит к станцию Полоцк. На перроне папа никого не видит: папа страшно волнуется. Входит папа в здание вокзала и видит, что мама и дядя Гриша сидят, а Кокочка спит. Первым вопросом папы было: «Здоров ли Кокочка». Получился от мамы утвердительный ответ. Папа легко, легко вздохнул и крепко поцеловал спящего Кокочку. Спустя несколько минут папа не выдержал и начал осторожно будить Кокочку. Кокочка по первому зову папы открыл глазки, засмеялся и бросился папочке на шею. На лицах папы и Кокочки сияла торжественная встреча; радости не было конца. Кокочка не сходил с рук папы пока ни приехали в м. Глубокое.

5 Октября 1917 г. Целое лето папа не вел заметок для дневника, т.к. слишком много было у папы работы. С 27 числа июня уехал в отпуск Начальник Отделения и папа, не будучи еще совсем в курсе дела, вступил в исполнение должности Начальника Отделения и так работал сам один до Октября месяца.

Целое лето Кокочка провел в Глубоком прихвально. Все дни от восхода до заката



та солнца проводил на свежем воздухе, купал лучшая блюда и, надо сказать, с хорошим аппетитом, и был почти все время здоровеньким.

В часы дня обеда, от 2 до 4х дня, папа с Кокочкой пообедавши ежедневно отправлялись на луг и здесь, под тенью дуба, отдыхали.

Обед приносили из офицерской столовой и правду сказать, заслуживал лучшей похвалы. В первое время у Кокочки первым блюдом было «шпядкое», но папа всегда был против этого и с большим трудом впоследствии однако удалось добиться согласия Кокочки, что «шпядкое» было перенесено в счет третьего блюда.

В августе месяце моего дорогого сына постигла болезнь. Случилось это так. Папа, уезжая в комиссию для проверки денежных книг и сумм 65 конно-ополченской сотни, квартировавшей в имении Марцелино (в 8 верстах от Глубокого) взял с собою Кокочку и маму т.к. бричка была пароконная, а папа ехал сам один. Отъезжая обратно, папа захватил из сада сладкий яблок и вот по пути Кокочка съел два громадных яблока. Понятно, здесь жестоко виноваты были папа и мама, что не сумели учесть того, что Кокочка ведь ребенок, а следовательно для ребенка все должно быть выделено, как для ребенка. По приезде в Глубокое спустя не больше 2 часов у Кокочки появилась повышенная температура до 39, а затем и до 40. Целую неделю продержали нашего бедного Кокочку на диете, не выпуская на двор. И вот, когда стало ему лучше, доктор разрешил выходить ему на свежий воздух. Кокочка неописуемо был рад, что он «говенький» (здоровенький), что ему разрешено выехать на двор и что также ему можно купать «шпядкое». Но случилась новая беда: в первый — же день своего выхода Кокочка поел в огороде зеленого маку и к вечеру опять появился у него жар. И опять Кокочка пробыл около недели. После этого за Кокочкой учредили усиленный надзор и дела Кокки сейчас же пошли к лучшему. После этого Кокочка уже Слава Богу не болел.

6 октября 1917 г. В начале сентября от тети Лизы получилось из Калуги письмо, что тетя Лиза больна и что она со Степой

голодает за неимением в Калуге продуктов. Решено было ехать за тетей Лизой. И вот 23 Сентября папа, Кока и мама выехали из Глубокого, а 24го вечером в 10 час. прибыли в Смоленск. На вокзале нас встретил дядя Гриша. Так как некоторые обстоятельства заставляли маму остаться в Смоленске, то сейчас же наняли гостинницу, куда и переехали. В Калугу за тетей Лизой и Степochкой ездил папа один. Вернулся папа с тетей Лизой и Степой в Смоленск 4 октября утром. Мама страшно беспокоилась долгим отсутствием папы и сильно волновалась. Кокочка всеми мерами утешал ее, но ввиду, что это мало утешает маму, разгеройствовал, выпрямился во весь рост и заявил маме: «смотри, мама, я уже большой и сильный, не плачь, мамочка, Кока будет с тобой». Этот удачный поступок, как передавала мама, страшно развеселил маму.

Будучи в Смоленске Кокочка очень много ездил на трамваях и даже 2 раза был в кинематографе. О кинематографе у него осталось очень много впечатлений. В Глубокое все мы приехали в 7 часов утра 5 октября. Тетя Лиза очень удивлялась, что Кокочка до неузнаваемости поумнел и вырос. И действительно, Кокочка за лето, на свежем воздухе, стал большим и умным: с ним теперь папа разговаривает как с взрослым.

Но папа возвращается назад о хочет оставить для памяти один случай с Кокочкой, имевший место в том же Смоленске.

Когда стало темнеть надо было зажечь в номере гостинницы огонь, но как гостинница освещалась электричеством, а Кока такого огня еще не видел, то папа решил этом случаем воспользоваться о поставить Коку в сюрпризно-загадочное положение. План папа нарисовал быстро. И получилась такая картина. Дядя Гриша, будучи у нас в это время в гостиннице и сидя на диване за столом, сморкнул носом, папа-же в это время повернул крючок и получился электрический огонь. От явления такого мгновенного в потолке огня Кока на мгновение смутился, но затем закричал от радости и энергично стал приставать к папе: «папочка, что это огонь, кто зажег огонь». Тут то папе и нужно было этого: и начал папа дурманить Коку, что огонь зажжеся оттого, что дядя Гри-



па носом сморкнул и что если дядя Гриша опять сморкнет, то огонь сейчас же потухает. Любопытности Коки не было конца. И начал он после долгих разспросов и любопытств приставать к дяде, чтобы тот сморкнул. Дядя сморкнул: огонь потух. Кока смутился. Еще с большой энергией стал приставать Кока к дяде, чтобы тот зажег носом огонь. Дядя на уступки не шел. Кока страшно волновался. Дошло до согласия и дядя сморкнул: огонь зажегся. Кока торжествует. Но мгновение... и Кока бросается к дяде Грише с самой сердечной просьбой: «дядя, дядя, не нужно больше носом смалькать, пусть огонь горит». Все мы в этот вечер смеялись до упаду, а Кока смотрел на дядю Гришу, как на великаго чудотворца. Случай этот останется, повидимому, долго в памяти у моего Кокочки, т.к. нет того дня, чтобы он ни нарисовал картины появления чудовищного огня в гостиннице.

13 Ноября 1917 г. Сегодня, по рассказам мамы, Кокочка особенно был балован. Целый день он не давал маме покоя и пакостил на каждом шагу: то выльет воду, то разбрасает соль, то разорвет тетрадь Степы, а там, смотришь разбил стакан, тарелку и т.д. и т.д. Одним словом происшествия на каждом шагу. За такое грозное поведение мама в этот день несколько раз слегка благословляла Коку розгою и уже не без того, чтобы ни гоняла Коку целый день из угла в угол. Наконец, под вечер, у Коки заговорило самолюбие и он послал маме такой упрек: «Что ты меня целый день гоняешь и гоняешься».

Это первые слова самозащиты моего дорогого сына. Приветствую тебя, мое дорогое дитя!

25 Декабря 1917 г. Папа, мама, тетя Лиза и Степа поздравляли Кокочку с праздником Рождества Христова. Кокочка также поздравляла всех нас.

1 Января 1918 г. Папа, мама, тетя Лиза и Степа поздравляли Кокочку с днем Нового Года. Кокочка также поздравляла всех нас.

15 Января 1918 г. С 25 октября 1917 года коммунистическая партия (большевики) взяла в руки власть государства. Дисциплины в войсках нет: армия деорганизована. Солдаты кладут ружья и безнаказанно ухो-

дят домой. Приступлено к мирным переговорам, но несмотря на это, предчувствуется нечто грозное.

14 (1 февраля 1918 года). С 1 февраля в России вводится новый стиль изчисления времени. До 1 Июля, по декрету народных комиссаров, дата обозначается: нового стиля – числителем, а старого – знаменателем, или же дата старого стиля берется в скобки.

19 (6 февраля 1918 года) Войска наши с позиции бегут, не оказывая ни малейшаго сопротивления, имущество войсковое увозится в тыл только частично, т. к. при таком катастрофическом бегстве войск, вряд ли кто может подумать больше, как о самом себе.

Мороз стоит до 15 и положение, таким образом спаянное, т. к. при таком холоде папа никак не решается выехать из Глубокого в Полоцк на лошадях с Кокочкой и мамой. Бегство на лошадях осталось только одним лишь единственным спасением, т.к. последние эшалоны по железной дороге уже ушли и поезда не ходят вплоть до самого Полоцка.

Папа сильно волнуется, мама плачет...

(...) Смушение у всех нас было велико. К счастью в шагах 300-400 от места происшествия была деревня и вот тут то мы купили себе санки за 50 рублей. Закусив в этой деревне и усевшись в новые сани, мы отправились дальше. Санки оказались слишком легкими и далеко не устойчивыми, а лошади, почувяв легкость багажа, мчались на всех парах. Отъехав от деревни сажней 100 мы с санками опрокинулись, но к счастью удачно. Мама тут же около санок, а Кокочка между папой и мамой, будучи привален подушкою, платком и одеялом, кассир же уцелел. Сильнее всех нас смутился Кокочка и по всему видно было, что на него так удручающе подействовал этот случай, что он готов был отказаться от всякой дальнейшей поездки. Все мы пустились урезонивать Коку, что это санки только один раз пошутили и что дальше шутить уже они не будут. Кока несколько этому поверил, но думается, что на $\frac{3}{4}$ остался в недоверии, т. к. всякий забег санок его страшно смущал.

Наконец, под вечер, случилось так,



что пришлось и второй раз перевернуться, но также счастливо без ушиба. После этого Кока впал в совершенное недоверие и страшно волновался. К счастью попало тут же местечко и пришлось остановиться ночевать, т.к. совершенно уже смеркалось.

Постоялый двор, где мы остановились на ночлег, оказался довольно приличным и нас приняли словно гостей. Теперь оставалось нам до Полоцка только 20 верст.

Переночевав и поблагодарив хозяев-евреев за гостеприимство отправились мы в путь в 9 час. С минутами утра и прибыли в Полоцк в 12 час. дня. При въезде в Полоцк пришлось и в третий раз перевернуться, но тут уже Кока особенно не смутился и не смутился быть может потому, что все это происшествие случилось в то время когда Кока в санках спал и проснулся лишь, сидя уже на снегу, или быть может потому, что уже несколько успел привыкнуть к таким случайностям. Кока в этот раз даже нашел себе это забавным и с удовольствием носил в санки вывалившееся оттуда сено.

В Полоцке мы подъехали прямо к вокзалу. Поезд стоял готовым к отходу. Распростившись с кассиром (ему нужно было ехать на Псков мы поспешили с вещами в здание вокзала). Что творилось на вокзале — описать трудно. Это не то уже было время, когда папа встречал Кокочку и маму, едущих в Глубокое к папе. Здесь теперь бегали, кричали и суетились и малые и взрослые, и молодые и старики спасая свое положение. Поезда стояла готовым к отходу в составе приблизительно около 40 вагонов, но на проезд в этом составе трудно было рассчитывать, т.к. были забиты битком ни только площадки вагонов, но люди висели и на ступеньках.

24 (11 февраля) 1918 г. Здравствуй мой дорогой и любимый дневничек! Великое благодарение Всевышнему Господу Богу и да благословит Он Святый не разставаться мне более с тобою.

Дорогой дневничек! Любя горячо своего дорогого сына, я решил хоть вкратце, за время своей поездки на фронт, кое-что сохранить для памяти сына моего Кокочки. Все записанное мною на отдельной тетрадь-

ке передаю тебе, дневничек мой.

Со вчерашнего дня мы уже в Калуге. Великое благодарение Всевышнему Творцу за здоровье моего дорогого сына: он чувствует себя совершенно хорошо: опишу вкратце наше путешествие. 20го числа мы проехали на лошадях около 25 верст и ночевали у еврея, в особую отведенной для нас комнате. Ночлег довольно был приятный. В часов 6 утра Кока успел уже проснуться.

(...) И так, взвешивая обстоятельства по времени, папа без малейшего смущения удовлетворяется, что ему в жизни предназначено. Об этом когда нибудь можно будет поговорить особо.

16 (3 Марта) 1918 г. С сегодняшнего числа папа поступает на службу конторщиком по вольному найму в Калужский военный Продовольственный магазин на оклад жалования 375 руб. в месяц. Содержание, в каком размере бы оно не заключалось, ни так уж важно, — важен лишь теперь продовольственный паек, который будет отпущаться из магазина, т.к. вся Россия за исключением Сибири и Малороссии, вся поголовно голодает. Кроме того папа решил послужить с Смотрителем магазина Александром Александровичем, как с лучшим другом и приятелем.

25 (12 Апреля) 1918 г. С 2 по 25 апреля наш дорогой сыночек Кокочка болел, по определению врача, брюшным тифом. Болезнь к счастью была в легкой форме, но тем не менее папе и маме стоило много слез и подрыва в здоровье. До 20 числа температура стояла повышенная, а с 25 числа была уже совершенно нормальная. За измерением температуры папа следил лично. Первые 5 дней болезни давали признаки на инфлюэнцию и поэтому Кокочку припоровляли все время к потению, но затем, когда врачом точно был определен рад болезни, папа приступил к тщательному измерению температуры. Все время температура колебалась от 38 до 39° и только 12 числа вечером повысилась до 39,5. Сегодня первый день, в который папа и мама вздохнули легче и они от радости со слезами на глазах молятся и молятся за здоровье своего дорогого сына. Но, Боже мой, как мучит то, что



Кокочку придется около месяца держать на диете, т.е. на положении голодающего.

4 Мая (21 апреля) 1918 г. Сегодня Великая Суббота. Папа идет к Заутренни, а мама остается с Кокочкою дома, т.к. Кокочка из дому еще не выходит в виду того, что еще считается на положении больного мальчика. Папе грустно и тяжело уходить в такой великий праздник без Кокочки в церковь и он переживает это со слезами на глазах.

5 Мая (22 апреля) 1918 г. Светлый Христов День. Папа, тетя Лиза и Демьян дядя утром пришли из церкви. Кокочка сейчас же проснулся и все мы похристосовались. Папа преподнес Кокочке красное яичко и особо крепко, крепко с ним похристосовался. Начали разговаривать. Кокочка сидел на кровати и страшно интересовался, что мы кушаем, но прости... себе ничего не позволил, кроме сладкого молока и кофе. Папе мучительно было видеть все это и он обнявши Кокочку сильно расплакался.

20 Мая (7 мая) 1918 г. Сегодня Кокочке запломбировали зубок. Осталось пломбировать еще три зубка. Кокочка любит кушать сладкое и этим портит себе зубки. Характерно то, что Кокочка без всяких детских капризов и даже с удовлетворением выдержал пломбировку.

3 июня (21 мая) 1918 г. Сегодня День Ангела Коки. Еще со вчерашнего дня он очень много думал о том, что в этот день все будут его поздравлять. Даже дяде Демьяну Кока приказал, чтобы тот красиво почистил сапоги и подкрутил усы. Утром все мы его поздравляли и много преподнесли ему игрушек. Мама пошла Кокочке сладких булок, сделала сладкий сыр и много других кушаний. По случаю праздника у нас обедали тетя Лиза, дядя Демьян и Степа.

11 июня (29 мая) 1918 г. Сегодня Кокочке запломбировали еще два зубка. Он, как и в первый раз, выдержал пломбировку спокойно. Все подряд три зубка запломбированы в нижней челюсти с левой стороны.

16 августа (3 августа) 1918 г. Догоняя на улице ехавшего велосипедиста Кокочка пластом упал на мостовую и ударился лобиком о мостовую, отчего в левой части лобика образовалась сильная опухоль.

Т. к. Кокочка носил длинные волосики, то опухоль эта казалась малозначительной и вообще в тот же день ни папа ни мама, по малой то, Бог знает, случайности не придали этому особаго значения, да и сам Кокочка на боль ушиба не жаловался. Так прошло до вечера второго дня. Но вечером второго дня Кокочку остриг дядя Демьян под машинку и вот тут то папа и обратил серьезное внимание на большой размер опухоли от удара. Т.к. дело это произошло уже в сумерки, то Кокочку папа уложил в кровать и поставил градусник. Температура оказалась 38,5. От ужаса папа похолодел. Оставив маму для присмотра за Кокочкой, папа опрометью бросился к доктору Благовещенскому. Рассказывая о случившемся доктору, папа не выдержал и разрыдался как ребенок. Не более, как через час, Кокочке ушибленное место было смазано «ихтиолом» и даны были порошки «пирамидон». Папа и мама были убиты, подавлены. Главное опасение было за то, не происходит ли процесс в артерин мозговых оболочек, т.к. быстро поднявшаяся температура давала некоторый повод к этому. Папа плакал и ревел как безумный, ненавидел и укорял себя за то, что как он мог дойти до той оплошности, что не было им обращено должное внимание на случившееся в первый же день.

Бедная мама страдала также не менее папы. К утру 3 дня у Кокочки была температура 37,2. Днем был доктор Благовещенский и порадовал, что ушиб прогрессируется в благоприятном виде, т.е. что ни артерия мозговых оболочек ни кость в исходе болезни не причастны. Боже! Кака великая была радость.

На следующий день температура была уже нормальная и больше уже Слава Богу не подвыпалась. Через несколько дней Кокочка был объявлен здоровеньким.

..... 1918 года. Сегодня День Ангела мамы. Кокочка еще накануне усиленно подготавлилась как бы лучше поздравить мамочку. И хотя он ко всем положительно пристаивал, чтобы его научили как по красивее сказать при поздравлении, но все нарочно ничему не хотели его научить, интересуясь, что именно он сам может сообразить



в этом случае. Настало утро. Кокочка умылась, причесался и подойдя несколько волнуясь к маме, подав ручку, смело отчихканил: «Хлиastos Восклес, мамочка» Поднялся общий хохот: Кокочка, покраснев, смутился. Но тут пришел ему на выручку папа. Кокочка оправился и поздравил маму вторично так, как научил уже его папа.

11 декабря 1918 г. Сегодня День Ангела папы. Кокочка хорошо уже помнил неудачное поздравление мамы и поэтому, прежде чем поздравить папу, долго обдумывал и спрашивал других как бы ему красиво и хорошо поздравить.

Поздравление вышло удачное: Кока торжествовал, а папа много раз целовал дорогого Своего сына и радовался безконечно за то, что он уже умненький.

21 апреля (нового стиля) 1919 г. Сегодня второй день Светлого Христова Воскресения. Люди смеются, люди радуются, люди веселятся, а в нашем доме великая печаль, тяжелый траур, безвозвратная утрата. Эта утрата есть утрата дорогого и горячо любимого всеми нами дяди Демьяна. Он умер, он погиб во цвете лет от злодейской руки негодяя. Мир праху этого доброго отца, мужа и дяди! Пусть будет вечная память об этой чистой, доброй, дорогой и родной для нас душе! Пошли тебе, Господи, царство Небесное и упокой твою душу светлую, дорогой наш и незабвенный дядя.

Опишу случай постигшего нас горя. 26 Февраля (нов.ст.) 1919 года дядя Демьян, около 4 часов вечера, уехал из дому на магазинской лошади по личному делу. Все мы надеялись, что дядя приедет домой поздно, поэтому все мы легли спать, не заботясь об отсутствии дяди. На следующий день (27 числа) к папе в спальню вошла около 8 час. утра тетя Лиза и взволнованно заявила, что дядя Демьян домой еще не прибыл. Папа моментально обулся и, недожидаясь лошади, отправился в магазин. На душе у папы было тяжело и беспокойно. По дороге, встретившись со своим кучером, папа узнал, что с дядей Демьяном что то неладное. После недолгих поисков папа напал на след обнаружением лужи крови. И уже от этого места получились сведения, что дядя

взят в Хлюстинскую больницу. Папа застал его там. Но, Боже мой, Боже! Без признаков жизни. Не стану больше описывать, тяжело... Случай нанесения удара по голове произошел около 12 час. ночи с 26 на 27 число февраля н. с. Дорогой наш дядя пролежал в больнице 27 и 28 Февраля, 1, 2, 3, 4, 5 и 6 Марта. 6 Марта в 7 часов вечера скончался. В 4 часа дня 6 Марта, т. е. за 3 часа до кончины Степочка был тетей Лизой прислан в больницу и, какое счастье... папа был еще при памяти, разцеловался со Степочкой и благословил его. Господи! Какое счастье, что этот ребенок во время попал в больницу и получил благословение... В 2 часа дня, т.е. 5 часов до кончины, папа в слезах дал слово умирающему, что тетю Лизу и Степочку папа оставит при себе до самой смерти и что Степочку постарается воспитать насколько это будет ему возможно. Умиравший дядя, обвинив правой рукой папе шею, притянул к себе и в знак великой благодарности поцеловал несколько раз папу в лоб. Этот святой поцелуй папа, рыдая, принял как святыню и святое. Пусть и будет он святым и вечным у меня Господи! Пошли пожить на земле, чтобы выполнить обет, данный мною умирающему.

Все время болезни и до самой последней минуты кончины дорогой наш дядя был в полном сознании. Все время болезни дяди тетя Лиза, мама и папа дежурили днем и ночью в больнице около больного. И только за сутки до кончины больная и обезсиленная тетя, а с нею и мама уехали из больницы домой. Около больного последние сутки дежурил папа и дядя Гриша.

Господи! Сколько страданий, сколько слез, сколько вздохов.

Итак, роковой час безпримерно тяжелого горя для нас всех пробил: в 7 часов вечера 6 Марта дорогой и безпримельно любимый наш дядя скончался. Мир праху твоему, дорогой наш дядя, дорогое наше сокровище! Да будет тебе земля пухом, наша гордость и богатство нашей семьи! С уходом твоим из этого мира много ты оставил для всех нас скорби и печали. Бедная сестра моя Лиза, как жутко, как печально, что ты уже вдова.



8 Марта в 5 часов тело дяди перевезли из больницы в церковь Иоанна Предтечи, а 9 Марта около 12 часов дня после заупокойной обедни тело было предано земле на Пятницких кладбищах.

Вот и вся жизнь человека! Не надо больше слов... тяжело... тяжело...

15 мая (нов.ст.) 1919 г. Боже! Как бедная тетя Лиза страдает. Почти ничего не кушая, она от восхода до заката солнца сидит около могилки дяди Демьяна, измучилась, изстрадалась, бедная... Пошли ей, Господи, силы и усыни боль ее великого горя.

Ох, как тяжело смотреть и видеть всю эту обстановку. Бедная сестра моя! Пол жизни отдал бы, чтобы помочь тебе, но я ничтожный и бессильный....

19 февраля 1921 года. Дорогой дневничек! вот уже около 2 лет, как я не брал тебя в руки, т.к. для этого была причина, о которой я постараюсь когда либо сказать впоследствии.

Два года дневник пролежал без записей, какое ведь это длинное время...

Сколько за это время было радости и печалей и все это, к великому сожалению, прошло не зафиксированным на память дорогому моему сыну Кокочке. Теперь сын мой Кока считается большой: ему уже 6 мая будет 7 лет. Он знает уже цифры до 100, знает почти всю азбуку и совершенно свободно играет на пианино в обе руки: чижика, кавалерийский марш, швейцарскую песнь и другие, а также разбирается уже довольно умело в нотах.

Сегодня с Кокочкой случилось несчастье: у папы болела целый день голова и, придя со службы, папа лег отдохнуть, а мама ушла в церковь к вечерне. Таким Кока игрался целый день только со Степою. Затем, как оказалось впоследствии, Кокочка, не желая беспокоить папу, лег не раздевшись в кроватку и пролежал так до прихода мамы из церкви. Кокочка был разбужен и уложен в кроватку, но тут сейчас же появилась у него температура до 38 °. Папа целую ночь, т.е. до 8 час. утра дежурил около больного Кокочки.

Бедная тетя Лиза со Степочкой живет при папе и этим только папа и успокаивается нравственно, что дорогая тетя и Степочка по милости Господа Бога не испытывают еще никакой нужды. Тетя Лиза, за двухлетний промежуток времени со дня постигнутого ею великого горя, как будто немного успокоилась и жизнь в доме стала немного отраднее. Папа глубоко и безпредельно любит тетю Лизу во первых потому что она в жизни очень несчастная, а во вторых, потому, что она справедливая, добрая и всех нас любящая. Папе кажется, что ни дай Бог тетя Лиза ушла—бы от папы, нравственному страданию папы не было бы конца. Папа также очень любит Степочку: он сиротка и папа смотрит на него как на родного сына. Учится Степа как специальным предметам, так и музыке сравнительно не дурно, но он немного ленив и это папу огорчает отчасти. Степа и Кока любят друг друга и живут в полном согласии, что очень и очень папу радует.

27 февраля 1921 г. Заболев 19 числа сего месяца Кокочка пролежал в кроватке целую неделю. И хотя температура была сама по себе не страшна, но все таки она была не нормальная. Доктор в этой болезни нашел у Кокочки гриппозное воспаление. 27 числа (в воскресенье) Кокочку пустил уже на пол, и он так был рад этому, что беденький не верил своему счастью. Сорвавшись с постели, он прямо побежал к пианино и начал играть кавалерийский марш.

15 марта 1921 г. Весна наступает ранняя, снег уже сошел почти на половину, и если пойдет так и дальше, то через недели две, пожалуй, покажется кое-где и травка... Говорят, что обсерватория пророчит засуху и этого не дай Господь — Бог, т.к. и без этого добрая часть народа умирает от голода по причине недовоза хлеба, вследствие продолжающейся войны и бывшей к тому еще засухи в прошлое лето.

Лука Курилович

*(здесь "Дневник Кости" кончается);
в рукописи всего 63 карточек;
переписав Дороф'ей Фіонік)*

O autorze i jego rękopisie

Łukasz Kuryłowicz urodził się w 1880 roku w rodzinie Michała Kuryłowicza w Staromłynach na Polesiu, wsi znajdującej się w powiecie kobryńskim (obecnie rejon drohiczyński w obwodzie brzeskim). Rodzinny dom znajdował się niedaleko pięknej rzeki Jaseldy (Jasioldy). Najbliższym miasteczkiem był Chomsk, gdzie znajdowało się centrum gminy i cerkiew parafialna.

Łukasz Kuryłowicz od dzieciństwa przejawiał duże zdolności do nauki. W latach 1891-1897 uczył się w sześcioklasowej szkole miejskiej w Warszawie. Dwa lata później zdał egzamin do Suworowskiego Korpusu Kadetów. W 1904 r. pracował w Warszawskiej Izbie Kontroli. Mieszkał tu wraz z żoną Anastazją. W Warszawie doczekał się czwórki dzieci, ale i przeżył wielkie dramaty – jego wszystkie dzieci zmarły w wieku niemowlęcym. W 1913 r. Łukasz przeniósł się w swe rodzinne strony; został sekretarzem Powiatowego Zarządu Wojskowego w Kobryniu. Posiadał już wówczas tytuł pomocnika rewizora. W Kobryniu mieszkał i pracował do czasu ewakuacji (bieżeństwa) w sierpniu 1915 r.

W Kobryniu 17 maja 1914 r. urodził mu się potomek, który stał się bohaterem „Dziennika Kosti”. Ten szczególnie pamiętnik, powstał z wielkiej miłości ojca do syna. Doświadczony dramatem ojca, tracącego kolejne dzieci, Łukasz Kuryłowicz przejawiał niezwykłą troskę duchową o swego Kostię. Jego modlitwy zostały wysłuchane, aczkolwiek nie obyło się bez trudnych momentów. Wielką troską rodziców były okresowe załamania stanu zdrowia dziecka. Odwoływali się oni nawet

o wstawiennictwo św. Walentego w jednym z poleskich kościołów.

Niewiele ponad rok po urodzeniu Kości rodzina Kuryłowiczów przeżywa ogólny dramat uchodźstwa. Rodzina trafia do Kalugi, gdzie Łukasz nadal pracuje jako wysoki urzędnik wojskowy. Tu zamieszka również jego siostra Liza, wraz z mężem Demianem i synem Stepoczka, nieodłącznym towarzyszem

zabawy dla Kosti. W czerwcu 1917 r. Łukasz Kuryłowicz przenosi się do pracy w zarządzie wojskowym w Mińsku, z siedzibą w Głębokim na północnej Białorusi. Niebawem przejeżdża tam również żona z Korką; 29 czerwca Łukasz wita ich na dworcu kolejowym w Połocku.

W pamiętniku Łukasz Kuryłowicz nie kryje swych poglądów politycznych. Jako zwolennik ustroju demokratycznego, w marcu 1917 r. pozdrawia swego syna ze zmianami politycznymi w Rosji. Z kolei, wyraża swój wielki niepokój w obliczu przewrotu bolszewickiego z października tegoż roku, który

zastał go jeszcze w Głębokim. Pozostaje jednak lojalny wobec nowej władzy. W lutym 1918 r., został zmuszony do ewakuacji rodziny na wschód. Odbывała się ona w iście dramatycznych okolicznościach, które autor pamiętnika dokładnie opisuje.

Kiedy szczęśliwie udało się im dotrzeć do Kalugi, Łukasz Kuryłowicz znajduje pracę w wojskowych magazynach żywnościowych.



Konstanty Kuryłowicz, ok. 1935

W Kaludze, z rąk bandytów, w 1919 r. ginie jego szwagier Demian. Rodzina Kuryłowiczów mieszka tam jeszcze do 1921 r., kiedy po podpisaniu traktatu ryskiego, powraca w swe rodzinne strony – na Polesie. W grudniu 1924 r. Łukasz Kuryłowicz zdaje egzamin na diakona, a w lutym następnego roku biskup poleski Aleksander wyświęca go na diakona ze skierowaniem do cerkwi w Chomsku. Tu buduje dom, który w 1928 r. oddaje w dzierżawę Jankielowi Gitelmanowi. W międzyczasie, w 1926 r. diakon Łukasz zostaje skierowany do cerkwi w Myszczycach. W 1932 r. przyjmuje święcenia kapłańskie i od sierpnia 1933 r. jest proboszczem cerkwi w Lachowiczach pow. brzeskiego. Cztery lata później mianowano go proboszczem cerkwi w Połowcach. Tu pozostaje do 1946 r., kiedy granica państwowa pozostawiła cerkiew w Połowcach po stronie BSRR. W latach 1951-1959 o. Łukasz, do końca swych dni, służył w cerkwi w Tyniewiczach Dużych.

Umiłowany syn o. Łukasza, w okresie międzywojennym uczył się w gimnazjum rosyjskim w Brześciu, po którego ukończeniu wstąpił na farmację. Po wybuchu wojny zamieszkał u rodziców w Połowcach. Miał trzydzieści lat, gdy zapoznano go z młodzieutką Leną Stempkowską, córką proboszcza cerkwi św. Michała w Bielsku Podlaskim. Ich ślub odbył się w kwietniu 1944 r., a niespełna miesiąc potem młodożeńców zabrano na roboty przymusowe do Czech. Tu urodziła się pierwsza córka. Już w Bielsku Kuryłowiczowie doczekali się czworga dzieci; najmłodszy syn Aleksy jest dziś duchownym w cerkwi Preczystieńskiej w Bielsku. A sam Konstanty Kuryłowicz był przez długie lata cenionym i lubianym kierownikiem bielskiej hurtowni.

Prezentowany czytelnikom „Dniwnik Kosti” jest niezwykle cennym dokumentem epoki. Pokazuje życie codzienne wysoko postawionej rodziny urzędniczej, związanej rodowodami z Polesiem. W rękopisie odczytamy nazwiska kilku postaci historycznych, m.in.: naczelnika wojskowego w Kobryniu Ernesta Oldenburga, Julii Palidnej – żony kierownika magazynów żywności-



Ojciec Łukasz i Anastazja Kuryłowiczowie w Tyniewiczach, 1952

wych w Kobryniu, o. Symeona Biegallowicza – proboszcza soboru w Kobryniu, Piotra Bowdela – psalmisty soboru, Juliana Soroczyńskiego – lekarza z Antopola oraz lekarza Bitnera, pochodzącego z powiatu białostockiego.

Kilka lat temu trafilem do Staromłynów, skąd wywodzą się Kuryłowiczowie. Mieszkała tam jeszcze Anna Kuryłowicz, synowa Józefa – brata Łukasza Kuryłowicza. Zapoznałem się również z rodziną Dejneków, bliskich jego kuzynów. Wszyscy pamiętali Kościę Kuryłowicza, który kilka razy ich odwiedzał.



15 верасня 1900 г. у сяле Курашаве адбылася ўрачыстасць пасвячэння царкоўна-прыхадской школы з двума аддзельнымі памяшканнямі для хлопцаў і дзяўчат.

Школа ўзнікла з асабістай ініцыятывы Обер-пракурора св. Сінода В. К. Саблера, пасля таго, як са шматлюднага чыжоўскага прыхода быў вылучаны новы прыход у Курашаве. У 1898 г. чыжоўскі свяшчэннік а. Лукіян Сасноўскі пастараўся зрабіць план школы і каштарыс на пабудову новага, драўлянага будынку. Яго даўжыня – 27 аршынаў, шырыня – 18 і вышыня – 4,5. На яго пабудову Гродзенскі Епархіяльны Вучылішчны Савет асігнаваў 800 рублёў, а В. К. Саблер пераказаў тысячу рублёў. На пасвячэнне краевугольнага каменя, на другі дзень Св. Тройцы, раніцай 24 мая ў Курашава прыбыў Праасвяшчэнны епіскап гродзенскі і брэсцкі Якім, тайны радца В. К. Саблер, старшыня Гродзенскага епархіяльнага вучылішчнага саветакафедральны пратаіерэй В. Кургановіч, епархіяльны наглядчык а. І. Карчынскі і наглядчык бельскага павета. Калі закончылася літургія, шматлікая грамада людзей з усіх суседніх прыходаў падалася на месца закладкі школы.

Вялікая ўвага і добрыя адносіны да людзей і малых дзяцей з боку высокіх гасцей – Архіпастыра-Уладыкі і тайнага радцы В. К. Саблера зрабілі вельмі вялікае ўражанне не толькі на курашанах, але і на ўсіх прысутных. Розныя падаркі: кніжкі і брашуркі рэлігійнага зместу, іконкі і крыжыкі, якія раздавалі асабіста ўладыка Якім ды В. К. Саблер усім жыхарам Курашава, застануцца дарагой памяткай пасля ўрачыстасці.

Дзякуючы будаўлянаму вопыту тутэйшага свяшчэнніка а. Мікалая Ражкоўскага, школа збудаваная вельмі салідна, на працягу трох з паловай месяца. Стаіць на каменным фундаменце, мае гонтавы дах. Як класы для хлопцаў і дзяўчынак, так і памяшканні настаўнікам, выгядныя і ясныя.

Да 15 верасня будынак школы нао-

гул быў закончаны. Раніцай таго дня, пасля Божай літургіі, якую ў курашаўскім храме адслужылі тры свяшчэннікі, будынак быў пасвячаны старшынёю Бельскага павятовага аддзелу, ў саслужэнні клепчэльскага благачыннага, тутэйшага настояцеля і свяшчэнніка новаберазоўскай царквы а. М. Варфаламеева.

Пасля заканчэння літургіі хрэсны ход шматлікіх людзей накіраваўся да будынку школы, Ён знаходзіцца 100 сажняў ад царквы, насупраць заходніх дзвярэй у храм. Побач стаіць прыхадская пабудова – дом свяшчэнніка і псаломшчыка. На захад ад школьнага будынку, не больш 160-180 сажняў знаходзіцца вялікае сяло Курашава, з лікам 150 дамоў і тысячным насельніцтвам праваслаўнага веравызнання.

Ад 1897 г. да 15 верасня гэтага года курашаўская школа знаходзілася ў зачыненай, старой карчме, у якой тутэйшы псаломшчык Наўмаў з адданасцю і поспехам навучаў дзяцей. У такіх цяжкіх умовах вучылася шмат дзяцей – у навучальны год збіралася іх 65-87 вучняў. Навука ў старой карчме была вельмі невыгядная. Таму як радасна і прыемна бачыць школу ў новым, выгядным будынку. Не дзіўна, што на пасвячэнне школы прыбыло шмат людзей з суседніх мясцовасцяў; усе ў сваіх святочных, прыгожых касцюмах.

Хрэсны ход падышоў да школьнага дому; у сярэдзіну магі ўвайшлі толькі людзі з іконамі, спевакі, настаўнікі і вучні, свяшчэннікі, папярчыцелі і будучыя малыя вучні – хлопчыкі і дзяўчынкі. Вялікі натоўп людзей, не маючы магчымасці ўвайсці ў сярэдзіну, наглядаў за пасвячэннем праз вокны, слухаючы зладжанага спеву хору. Пасля малебна з пасвячэннем вады, старшыня Бельскай павятовай школьнай рады а. Аляксандр Спаскі сказаў слова, пасля якога праспявалі “Многая лета” Гасудару Імператару. Пасля была малітва аб упакаенні заснавальніка царкоўных школаў цара Аляксандра III з праспяваннем на каленях

“вечная памяць”. Пасля гэтага праспявалі мнагалецце свяшчэннаму сіноду, Уладыцы Яакіму, ганароваму апекуну гэтай школы снатару В. К. Саблеру, усім хто стараўся пры яе пабудове, свяшчэннаму, апекунам і прыхажанам курашоўскага храма.

Пасля завяршэння пасвячэння, хрэсны ход выйшаў са школьнага дому і, пасвяціўшы

будынак звонку, вярнуўся ў царкву. Святакаванне пасвячэння школы прадаўжалася ў Курашаве ўвесь дзень. Дарослыя і дзеці, дзяўчаты і хлопцы, адзетыя па-святочнаму, ходзячы па вялікім сяле, або седзячы на лавачках ля дамоў, зладжана спявалі песні з багагласніка. Каля пятай гадзіны ўвечары свяшчэннік кленіцкай царквы а. Іаан

Хлябцэвіч адправіў у курашоўскім храме вячэрню. Ізноў сабралася шмат людзей, якія маліліся за сваіх лабрачынцаў і апекуноў. Вячэрня закончылася малебнам Казанскай іконе Божай Маці, мнагалеццем і папучальным словам, якое сказаў а. Іаан Хлябцэвіч з Кленік.

“Литовские
Епархиальные
Ведомости”
1900, нр 42

Пасведчанне заканчэння навукі ў царкоўна-прыходскай школе ў Курашаве, выдадзенае 4 ліпеня 1913 г. Аляксею Онішчуку, сыну Ануфрыя. Падпісаны старшыня Бельскай павятовай, школьнай рады а. Васілій Кастыцэвіч





POWRÓT Z BIEŻENSTWA I PRZEPROWADZKA DO BIELSKA

Na bieżeństwie nasza rodzina była w Bierdniańsku na Ukrainie. Do Topczewa wróciliśmy w 1920 r. Wszystkie nasze zabudowania ostały. Ale ziemia, nie uprawiana przez pięć lat, była zarośnięta zielskiem do kolan. Z czego żyć? Aż tu latem 1920 r. *opiat'* wojna, tym razem Polski z bolszewikami. Na szczęście nie było już agitatorów, jak w 1915 r., wszyscy więc siedzimy na miejscu. Nowej tulaczki po świecie już nikt nie chce. Wojna trwała krótko. Gospodarze poszli w pole, gospodynie do ogrodów, a ja od września do szkoły.

W szkole w Topczewie uczyła pani Cieżuchowna. Wielu uczniów rozmawiało tylko po rosyjsku czy ukraińsku. Ona wszystkich nas rozumiała i uczyła mówić po polsku. Była dla nas jak druga mama. Nigdy nie krzyczała, była współczująca i cierpliwa, a nawet litościwa. Potem, jedyny raz, gdy byłem już żonaty, spotkaliśmy się w pociągu.

W szkole uczyłem się dobrze, ukończyłem cztery klasy. I wtedy ojciec postanowił sprzedać swoje gospodarstwo w Topczewie i przenieść się do Bielska. A gospodarstwo było dość dobrze utrzymane. Nowe budynki, piękny sad owocowy, 16 hektarów w jednym kawalku. Amatorem na kupno okazał się pan Górski, który wrócił z Ameryki. Dał za gospodarstwo 5 tys. dolarów. Ojcu szczęście dopisało, bo po dwóch tygodniach wartość dolara podwoiła się.

Kiedy formalności kupna-sprzedaży w Topczewie były załatwione, ojciec piechotą poszedł do Bielska kupić jakieś gospodarstwo. Mój ojciec była bardzo dobrym człowiekiem. Chyba w życiu nikogo nie skrzywdził. Jedyną jego wadą było to, że wierzył każdemu, nawet kłamcy. Tym krzywdził nie tylko siebie, ale czasem i rodzinę.

Kiedy ojciec poszukiwał w Bielsku nieruchomości, trafił na pewnego właściciela domu drewnianego. Ten zaproponował mu

swój dom z placem. Ojciec bez zastanowienia wpłacił mu zadek. Ten pieniądze zabrał i ślad po nim zaginął. Potem ojciec przypadkowo trafił w Bielsku na właściciela handlu drewnem budowlanym Żyda Abrama Kraśniańskiego, opowiadając mu o transakcji kupna domu. Abram aż krzyknął! – Toż ten człowiek cię oszukał! To zawodowy złodziej! Jak najdalej od niego uciekaj, on może cię okraść, a nawet zabić! Nie idź tam, radzę z całego serca, zostań tu u mnie. Ja ci pomogę kupić. Ojciec pomyślał. Toż tamten jest chrześcijaninem, a tu Żyd ma być lepszy. Ale uwierzył mu, został.

Ten Żyd i jego dwóch braci pomogło ojcu we wszystkim. Kupił w Bielsku gospodarstwo, dom na ul. Brańskiej, ziemię. Kraśniańscy pomogli mu nawet zbudować stodołę. Dali na kredyt tarcicę i cały czas byli ojcowi pomocni. To mnie przekonało, że uczciwy Żyd jest też człowiekiem.

LUDNOŚĆ BIELSKA I JEGO INSTYTUCJE

Powiatowe miasto Bielsk Podlaski posiadało budynki przeważnie drewniane, parterowe, kryte gontem, dachówką lub dranicami świerkowymi. Było tu 9500 mieszkańców trzech wyznań: około 4200 prawosławnych i katolików (po połowie) oraz 5300 Żydów, którzy przeważnie trudnili się drobnym handlem. Chrześcijanie zajmowali się przeważnie rolnictwem i przetwórstwem płodów rolnych. Wszyscy żyli zgodnie, jedni drugim służyli pomocą. Trudno w to uwierzyć, ale tak było.

Miasto posiadało władze administracyjne: Sejmik i Starostwo Powiatowe oraz Magistrat i władze handlowe. W latach trzydziestych na czele powiatu stał starosta Zelisław Januszkiewicz, Sejmiku – Stanisław Woliński wraz z inspektorami. Zaś władzę miejską sprawował Alfons Erdman. Jego zastępcą był Wsiewołod Tokarzewicz, sekretarzem Żyd Celniker, buchalterem T. Nowicki, księgowym A. Świętochowski, kasjerem Janina Cisek. Sprawami wojskowymi zajmował się



Budynek Starostwa Powiatowego, w głębi Komunalna Kasa Oszczędności (KKO), 1933

J. Bańkowski. Siedzibą Magistratu był Ratusz. Rada Miejska składała się z 24 radnych, wybranych przez mieszkańców miasta, proporcjonalnie do liczby osób danej narodowości. Radnych Żydów było 12, a katolików i prawosławnych po 6 osób. Posiedzenie Rady odbywało się raz w miesiącu.

Oprócz powyższego, Bielsk posiadał bank, Urząd Skarbowy, Kasę Stefczyka i Bank Żydowski. Była łaźnia z sauną miejską oraz szpital powiatowy w parterowym budynku murowanym. Jego dyrektorem był Merc.

W Bielsku istniały dwie drużyny piłki nożnej: klub żydowski „ŻKS” i „KBU”. Imprezy sportowe i szkolne odbywały się na stadionie, gdzie był też kort tenisowy. Istniała straż ogniowa, wyposażona w dwa beczkowsy i dwie pompy ręczne, umieszczone w budynku koszarowym. Istniały dwie orkiestry dęte – szkolna i strażacka.

SZKOŁY

Ze szkół w Bielsku funkcjonowały: siedmioklasowa polska Szkoła Powszechna i Gimnazjum im. T. Kościuszki oraz Żydowska Szkoła Hebrajska. Szkoły polskie mie-

ściły się przy ul. 11-go Listopada. Siedmioklasowa Szkoła Powszechna została wybudowana tuż po odrodzeniu Polski w latach 1919/20. Konstrukcja budynku była drewniana, szkieletowa, dwustronnie obita deskami i ocieplana trocinami. Składała się z siedmiu sal lekcyjnych, sali rekreacyjnej, kancelarii, pokoju nauczycielskiego, pokoju kierownika oraz pomieszczenia na potrzeby gospodarcze. Sala gimnastyczna znajdowała się w budynku drewnianym, stojącym w podwórzu. W tym samym budynku była sala robót dla chłopców. Sala religijna mieściła się również w innym budynku, po drugiej stronie ulicy. Wymienione budynki szkolne, wraz z głównymi, były strasznie prymitywne. Przykładowo, w głównym budynku podłogi były nieheblowane. W każdą sobotę po zajęciach woźny A. Bereziuk konserwował je pyłochłonom, a to po to, żeby nie unosił się kurz. Pyłochłon jest to rozcieńczona karbolina; pamiętam do dziś jej zapach. Nawet ubrania nią nasiąkały.

Takie były warunki dla uczniów i nauczycieli, ale inaczej w tym czasie być nie mogło. Wymienię skład rady pedagogicznej



Cerkiew Michajłowska z nieistniejącą dzwonnica i domem parafialnym, 1933

szkoły z ostatniego dziesięciolecia przed wybuchem II Wojny światowej. Kierownikiem szkoły był T. Jaroński, zastępcą Mijałkowski – matematyk, Kania uczył przyrody i geografii, Władysław Godlewski – matematyki w klasach młodszych. Godlewska uczyła dziewczynek robót ręcznych, A. Krzysztofka – języka niemieckiego i gimnastyki chłopców, Mojsienienko – robót ręcznych chłopców, Franciszek Sarnacki – śpiewu, Anna Winogradowa – religii prawosławnej, ks. prefekt Ludwik Olszewski – religii rzymskokatolickiej. Ponadto p. Wierzejewska, dochodząca z gimnazjum, uczyła rysunków w klasach VI i VII. Posiadała ona akademickie wykształcenie plastyczne.

Pani Wierzejewska często przyglądała się moim rysunkom. Ciekawiło ją, że tak szybko mogę rysować, a mniej gumkować. I oto gdzieś w maju 1927 r. powiedziała mi, że w Poznaniu ministerstwo oświaty organizuje konkurs rysunkowy dla maturzystów gimnazjów z całej Polski. Każde gimnazjum miało wytypować po dwóch uczniów. Pani Wierzejewska oznajmiła, że od siebie wytypuje tylko jednego, a drugim będę ja. To mnie zaskoczyło, czy podolałam?

Wszystko trzeba było wykonać w ołówku. Pani Wierzejewska zebrała nasze rysunki, potwierdziła i wysłała do Poznania. Po półtoramiesięcznym oczekiwaniu rysunki zwrócono. I wtedy pani Wierzejewska przyszła na lekcję w dobrym humorze, zadowolona z trafnej swej decyzji. Powiedziała o dobrej ocenie rysunków swoich uczniów i pogratulowała mi... pierwszego miejsca w konkursie. Z zamszowej teczki zaczęła po kolei wyjmować nagrody: album Grottgera, książkę Mickiewicza, książkę o życiu roślin w zimie oraz piękny skórzany portfel, a w nim 100 złotych w jednym papierku. Wówczas był to duży pieniądz (równowartość dwóch krów). Wszystkie książki były z ministerialnymi podpisami. To wydarzenie w moim życiu mogę nazwać historycznym i przełomowym.

Nauczycielem, który miał na mnie duży wpływ był wspomniany pan Mojsienienko. Do robót ręcznych naprawdę potrafił uczniów zachęcić. Jego atutem, oprócz znajomości fachu, była sprawiedliwość i elastyczność. Kiedy widział, że uczeń jest zdolny, umiał wyjść poza ramy programowe. Sam tego doświadczyłem, gdy wykonałem i zmontowałem w butelce

Krzyż na Golgotcie. Było to w 1927 r. Pan Mojsienienko wysoko ocenił pracę, co mnie bardzo podbudowało. Pracę przechowuję do dziś, jako relikwię z lat szkolnych.

Tacy nauczyciele jak pani Wierzejska i Mojsienienko mieli niewątpliwie wpływ na wybór mojej drogi życiowej. Naukę w szkole średniej kontynuowałem w Technikum Mechaniczno-Budowlanym w Białymstoku.

Ale wróć do Szkoły Powszechnej. Jej gospodarzem nazywano woźnego Aleksandra Bereziuka. Do niego należała opieka nad budynkami szkolnymi, regularne dzwonienie na przerwy i lekcje dzwonkiem ręcznym. Należało do niego również utrzymanie czystości i porządku w budynkach, zamiatanie ulicy wokół szkoły oraz drobne prace remontowe. Temu wszystkiemu on sam musiał podolać, był za to odpowiedzialny przed kierownikiem szkoły Tadeuszem Jarońskim. Ponadto należało do niego dostarczanie korespondencji na pocztę i jej odbieranie. Z powierzonych prac wywiązywał się bardzo dobrze.

Drugim budynkiem wybudowanym po odzyskaniu niepodległości była szkoła średnia – Gimnazjum im. T. Kościuszki. Budynek murowany, piętrowy – piękny prezent właściciela majątku Dobromił Artura Gartkiewicza, który ofiarował na cały budynek cegłę. To był wielki nabytek dla szkolnictwa i miasta.

Dwa budynki szkolne ożywiły miasto. Młodzież, chociaż była często przerośnięta, chętnie szła do szkoły polskiej. Wyrozumiałością nauczycieli i młodzieży trudne warunki nauczania były szybko pokonywane.

Należy wspomnieć, że w Bielsku istniała szkoła dwuletnia, tzw. „Properanda”, przygotowująca młodzież chętną do zawodu nauczyciela. Po ukończeniu tej szkoły, można było bez egzaminów wstąpić do seminarium nauczycielskiego w Białymstoku. Istniało też gimnazjum hebrajskie oraz żydowska szkoła powszechna. Dużo żydowskiej młodzieży uczyło się w szkołach polskich, zazwyczaj uczniowie bardzo zdolni. Wielu z nich ukończyło studia wyższe w kraju i za granicą. Ta ocena jest obiektywna i sprawiedliwa.

WYGLĄD MIASTA, BUDYNKI I HANDEL

Miasto, chociaż powiatowe, było bardzo biedne. Budownictwo przeważnie drewnia-

ne. Stare, parterowe domy wymagały remontu. Ulice były nie uporządkowane, brakowało chodników. W okresie międzywojennym miasto przypominało wielką wieś. Tylko kilkanaście budynków było murowanych. Można wśród nich wymienić: ratusz, dwa kościoły, cerkiew, Liceum im. T. Kościuszki, Dom Ludowy z kinem „Znicz”, dom urzędniczy, Starostwo Powiatowe (obecnie budynek Poczty Polskiej), młyn Pomarańca, Biuro Techniczne Magistratu (dom Koryckiego na ul. Kolejowej), domy mieszkalno-handlowe Barchata, Frejkisa, Ajzensztata, Hałaja, Muzykanta, Boćkowskiego-Kanapskiego oraz budynki na Holowiesku. Ponadto był murowany dworzec kolejowy z wieżą ciśnień i elewator. Miasto było prowincjonalne, żadnej komunikacji kołowej.

Pozwolę wymienić część ulic. Główna ulica Mickiewicza była w części brukowana, od torów do ul. Włodowskiej, dalej natomiast gruntowa. Tylko w części były chodniki; były też brukowane rynsztoki. W ulicy istniała kanalizacja burzowa. Studzienki były przykryte deskami drewnianymi, które co roku wymieniano. Pozostałe ważniejsze ulice: 3-go Maja, Kazimierzowska, Kopernika, Kościuszki oraz Jagiellońska też były brukowane. Ulica Dreszera, obecna Wojska Polskiego posiadała nawierzchnię gruntową, a chodniki z desek.

W Bielsku istniały dwa duże młyny: parowy Pomarańca oraz murowany, dwupiętrowy Marona. Była olejarnia Bieleckiego, bracia Kraśniańscy posiadali skład tarcicy. Żydzi Kosarski i Tykocki prowadzili elektrownię oraz zakład betoniarSKI. Podobnych zakładów było kilka, wśród nich Millera, który wykonał ogrodzenie kościoła parafialnego.

Należy wspomnieć o drogach międzymiastowych: Bielsk – Białystok, Siemiatycze, Białowieża, Ciechanowiec. Wszystkie one były wykonane z kamieni, tłuczonych na szaber. Układano je na jezdni, zasypywano żwirem, następnie wałowano. Takie to były utwardzone szosy dla komunikacji międzymiastowej. Każdego roku wymagały remontu.

Po tych drogach kursowała komunikacja autobusowa: do Białegostoku, Ciechanowca i Siemiatycz. Koleją można było dojechać do Białegostoku, Brześcia i Białowieży.

Centralne ulice zamieszkiwali przeważnie Żydzi, trudniący się handlem, peryferie zaś

A black and white photograph of a town square in 1900. A large church with a tall steeple is the central focus. The square is filled with people, and the surrounding streets are lined with buildings.

żywcą i płodów rolnych na ul. Widowskiej. Tam panował ogromny harmider, handlowano zwierzętami i wyrobami o większych gabarytach. Tu targi także odbywały się w czwartki. W razie zmiany dnia targów (święta), ogłaszano to i wcześniej ustalano dzień. Podobne jarmarki odbywały się w dni świąteczne – odpusty kościelne, np. na katolicką Siewną (8 września) i prawosławną Preczystę, dwa tygodnie później. Te odpusty trwały dwa-trzy dni. Jak pogoda dopisała, to z całego powiatu, a nawet spoza, jeździli się straganiarze. Czego tam nie było; przeważnie przyciągało to dzieci i młodzież. Straganiarze z tego żyli. Po tych świątach następował spokój, aż do następnego roku.

Miasto w czwartki żyło wielkim ruchem furmanek, bo przecież innego transportu nie było. Po takim targu było wielkie sprzątanie, a trzeba powiedzieć – miasto było dosyć schludnie utrzymane – mimo że każdego dnia rolnicy z miasta musieli przeganiać przez miasto trzy stada krów na pastwiska (w rejonie ul. Dubiażyńskiej), a było tego około 300 sztuk. Taki przemarsz bydła rano i wieczorem

Na początku należy wspomnieć o burmistrzu Bielska, Władysławie Żarniewiczu. On pierwszy rozpoczął planową rozbudowę miasta. I tak, w części miasta zwanej Obozy (teren bylej rosyjskiej jednostki wojskowej), tuż przy parku, wytyczył kilka nowych ulic: E. Orzeszkowej, biegnącej od ul. Studziwodzkiej do ul. Dubiażyńskiej; J. Słowackiego oraz

W latach trzydziestych, gdy burmistrzem został senator Alfons Erdman, ruszyły prace nad uporządkowaniem miasta, szczególnie w sferze budownictwa. Otóż, wybudowano murowany, piętrowy, ośmiorodzinny dom urzędniczy dla pracowników starostwa, położony przy ul. Pietrzykowskiej. Był dosyć nowoczesny, wyposażony w centralne ogrzewanie i łazienki, a to już na Bielsk coś znaczyło. Rozpoczęto porządkowanie ulic. Przed budową Domu Ludowego przebudowano cał-

Roboty w mieście były kontynuowane. Firma Tykockiego i s-ka Kosarski, właściciele lokalnej elektrowni w Bielsku, posiadali oprócz tego zakład betoniarski. Produkowano tam płyty chodnikowe, krawężniki uliczne i kwietnikowe oraz betonowe rury kanalizacyjne i studzienne. Byli oni także wykonawcami robót ze swoim materiałem, na podstawie zlecenia, np. układanie chodników, łącznie z krawężnikami i kanalizacja uliczną. To wszystko odbywało się pod nadzorem Biura Technicznego, którym kierował Oskar Wandrej. Roboty wykonywano tam, gdzie właściciel przyległej posesji do ulicy wyrażał zgodę na opłacenie kosztów chodnika. Dlatego też często chodniki były fragmentaryczne. Nie dotyczyło to kanalizacji i krawężników, co należało wyłącznie do miasta. W późniejszym czasie ta sprawa została uregulowana, tak że koszty wszystkich robót pokrywał Magistrat. Prac uliczno-chodnikowych było bardzo dużo, a pieniędzy zbyt mało, dlatego też podjęto uchwałę Rady Miejs-



Widok z wieży straży ogniowej na południową część miasta, w głębi cerkiew Mikołajewska, 1933

lem takiej okazji, czy szczęścia, jeszcze kilka lat szlifowałem chodniki. A było nas jeszcze czterech.

Ale oto, kolega Henryk Funk spotkał nas z Felkiem i z radością oznajmił, że wczoraj rozmawiał z gościem wysokiej rangi w stopniu kapitana. Nawet podał mi nazwisko „Jeliński”. – No i co on ci proponował, co? Okazało się, że jest on agentem do angażowania chętnych na wyjazd za granicę... do Afryki!

Zapisać się do Legii Cudzoziemskiej to nas z Felkiem intrygowało. Ten Jeliński właśnie w tej sprawie przyjechał i chętnych zbiera. Na drugi dzień spotkaliśmy się, uzgodniliśmy i postanowiliśmy zapisać się i wyjechać. Nie będziemy tu się obijać. Ustalono dzień wyjazdu. Bilety mamy do Katowic. Wkrótce jesteśmy na miejscu.

Padal deszcz. Znaleźliśmy wyznaczone miejsce zbiórki, ogrodzone wysokim plotem. Słychać gwar, a my ciekawi zagłębiliśmy przez szpary. A tam ćwiczą takich jak my. Przeraził się, spojrzeliśmy jeden na drugiego – Ja uciekam! I pojedynczo wróciliśmy do domu.

Afryka w domu. Śmieli się z nas. No cóż, jesteśmy dalej szlifierzami chodników.

Czas dłużyl się, żadnych rozrywek. Niektórzy zatrudnili się do roboty przy meliorowaniu rzeki Białki u inż. Bućki. Ale cóż to za robota za 1,10 zł dniówki, w mokrej wodzie.

Aż któregoś dnia spotkał mnie Zygmunt Inojewicz, prezes Spółdzielni „Społem”, zapytując – Co pan teraz robi? Odpowiedziałem, że nic. Wtedy zaproponował mi wykonanie projektu budowlanego magazynu hurtowego artykułów przemysłowych. Nie pytałem ile zapłaci, w duchu byłem mu wdzięczny. Projekt wykonałem w terminie. Inojewiczowi się spodobał i kazał wypisać rachunek na 150 zł. Nie uwierzyłem! A on kazał iść do kasy i pobrać pieniądze. Z radości pomyślałem, że nie trzeba tracić nadziei. Śmieszne, ale w te pieniądze po prostu chuchałem. Zaniósłem je do domu i oddałem ojcu. Aby nie myślał, że szkoła nic nie warta.

Po jakimś czasie spotkałem pana inż. Rudowskiego, kierownika Zarządu Dróg Powiatowych. Znal mnie wcześniej, nawet proponował żeby się tam zatrudnić. Chętnie się zgodziłem. Ale cóż, trzeba było złożyć podanie w Sejmiku Powiatowym. I tu spotkała mnie

przeszkoda. Sekretarz Woliński odmówił mi z powodu wyznania prawosławnego.

Rozczarowało mnie to wszystko, znowu ręce opadły. Kiedy inżynier dowiedział się, że moje podanie załatwiono negatywnie, powiedział: „Sekretarz jest prawdziwym fanatykiem na tym tle. Jemu nie zależy na dobrym pracowniku, tylko na swoim. Może być głab, ale swój”. Inżynier trochę pomyślał i zaproponował, że będzie mi dawał dorywcze prace w domu. „Robię dokumentację drogową w ołówku, a pan wykona w tuszu. Zgoda? Będę płacił od kilometra 10 zł”. Oczywiście, zgodziłem się. Wszystko wykonywałem w terminie, a inżynier cieszył się z takiej spółki.

Z inż. Rudowskim bardzo dobrze się pracowało, bo on umiał docenić robotę, uczciwość i terminowość. Znal dobrze burmistrza Erdmana; na mój temat często rozmawiali w dobrym świetle. Prace dorywcze nie zapewniały jednak godziwego utrzymania, a tym bardziej późniejszej emerytury.

MARSZAŁEK W BIELSKU

Jak wiadomo, 12 maja 1935 r. zmarł Marszałek Józef Piłsudski. Miasto uczciło jego pamięć, o czym napiszę dalej. Tu wspomnę o Marszałku. Mieszkańcy Bielska słyszeli o nim, ale duża część, zwłaszcza młodzież, zobaczyła go na własne oczy. Józef Piłsudski nie raz bywał w mieście, jadąc do Białowieży. W Bielsku zatrzymywał się w centrum miasta przy ul. Mickiewicza, vis a vis cukierni Farbera. Stawał na chodniku i odbierał raport vice starosty p. Rodziewicza. Wysłuchiwał, podziękował za raport i, po kiwnięciu ręką w stronę młodzieży, na ich wiwat, odjeżdżał. Jechał otwartym chlewroletem, bez żadnej ochrony, co teraz wydaje się bajką. Tak było wielokrotnie.

I tu nagle smutna wiadomość o jego śmierci. Ja osobiście brałem udział w przygotowaniu obchodów żałobnych. W kościele parafialnym wykonaliśmy katafalk obity czarnym sukniem, z osadzonymi lampionami na świecach. Wyglądało to tak naturalnie. Obchody żałobne w Bielsku były bardzo podniosłe. We wszystkich kościołach i cerkwiach odbyły się nabożeństwa. Na urzędach, szkołach i ratuszu zawisły flagi, przewiązane kirem. Przejazdów Marszałka i tych dni żałobnych nie sposób zapomnieć.



*Zachariasz Szachowicz przed atelier Zelika Wilka,
marzec 1939*

ZŁAMANA WIEŻA RATUSZOWA

Niedługo po tym, miasto przeżyło wielki dramat. Wicher złamał na poziomie tarcz zegarowych górną część wieży ratuszowej. Trzeba było niezwłocznie przystąpić do remontu. Złamaną część ściągnięto na dół, a jej długość wynosiła siedem metrów. Na polecenie burmistrza dokonałem pomiarów. Następnie wieżę rozebrano, a ja odtworzyłem jej tożsamość, ale już na planie. Do ponownego wykonania wieży zaangażowano cieśle Wacława Bańkowskiego i Eugeniusza Simonienkę. Pod moim kierownictwem wykonali oni ponownie złamaną wieżę i zmontowali już nad zegarem. Konstrukcję oszalowano, pokryto miedzianą blachą, umieszczono kule, wizerunek szarańczy. Ciężka to była praca w powietrzu. Przypominam, że zdjęcie małego formatu z czasu montowania tej wieży powinno być u Wojewódzkiego Konserwatora Zabytków. Osobiście od dałem go byłemu konserwatorowi Pawłowi Pawluczukowi.

BUDOWA DOMU LUDOWEGO

Nieco później nasz bardzo dobry gospodarz burmistrz Erdman zaplanował w mieście wybudować Dom Ludowy z kinem „Znicz”. To był bardzo dobry pomysł, bo przecież Bielsk posiadał do tej pory kino w prywatnym, dzierżawionym, drewnianym domu. Kino to nazywało się „Korso” i była to jedyna placówka rozrywkowa. Budynek mógł pomieścić dwieście osób, ale było to niebezpieczne.

W 1935 r. Rada Miejska podjęła uchwałę by budowę rozpocząć w nowym roku.

Aby pozyskać materiał na budowę Domu Ludowego, rozpoczęto rozbiórkę budynków koszarowych po wojsku carskim (przy ul. Studiowdzkiej). Były one prawie całkowicie zdestrukturyzowane, a cegła dobra. Pozyskany materiał przeznaczono na budowę Domu Ludowego przy ul. 3-go Maja i Szkoły Powszechnej przy ul. Widowskiej. Transport cegły odbywał się szarwarkiem. Część materiału budowlanego miasto więc już miało.

Kierownikiem budowy Domu Ludowego został Zachariasz Szachowicz. Zaangażowano fachowców do robót ciesielskich (szalunki fundamentów, itp.): Wacława Bańkowskiego oraz Eugeniusza Simonienkę, oni pracowali aż do końca budowy. Wykonano fundamenty, a wszystko w oparciu o projekt budowlany inżyniera majora Zalewskiego z Warszawy, szwagra burmistrza Erdmana.

Robota ruszyła. Murarzami przeważnie kierował brygadzysta p. Jan Firfa, bardzo dobry fachowiec w tej branży. Wiele lat pracował w Warszawie, wrócił do Bielska, bo był jego mieszkańcem. Na budowie pracowały nawet brygady młodzieży żydowskiej, a to ci co mieli wyjechać do Izraela. Po odbyciu praktyki budowlanej w Polsce, mieli prawo wyjechać do Palestyny. Ta praktyka trwała jeden miesiąc, po czym otrzymywali zaświadczenie i wtedy mogli, a raczej mieli prawo wyjazdu.

Tak, kadry zmieniały się na budowie. Szarwarki były w dalszym ciągu, aż do ukończenia budowy. Fachowcy mieli dość dużo roboty, szczególnie cieśle: ciągle zmiany rusztowań, robienie nowych szalunków, tak jak to na budowie tzn. w miarę postępu robót murarskich. Wreszcie szalunki pod stropy. Nad poczekalnią strop skrzynkowy, w obecnym budownictwie nieistniejący. Pozwolę sobie



Budowa Domu Ludowego



Budowa Domu Ludowego

w skrócie opisać: robiło się drewniane skrzynki bez dna o wymiarach 50x20 cm, mogły być dość długie; następnie układało się do góry dnem w odstępie 15 cm, co tworzyło między tymi skrzynkami żeberko; układano to wszystko na szalunku i warstwie zbrojonego betonu (siatka) w wolnych odstępach między skrzynkami zbrojono stalą, co tworzyło żeberko stropu górą po zalaniu żeberk zbrojono siatką i wówczas zalewało się zaprawą całą powierzchnię grubości 4 cm. Skrzynki drewniane pozostawiano. Taki strop nazywał się skrzynkowy, podobny do obecnych DMS-ów.

Na tej budowie występowały różne typy stropów: Kleina, Moniera itp. Zaś nad widownią zupełnie inny strop – nawet można nazwać stropodachem. Tu w świetle 9-ciu metrów podparcia ścian wykonano drewniane dźwigary z desek podwójnie zbijanych, a to już technika. Wymienieni cieśle mieli trudniejsze zadanie. Dźwigary z oparciem na skrajnych ścianach to dosyć duża długość. Pozwolę sobie to w skrócie opisać. Dołem i górą dość grube deski, zbijane ze sobą gwoździami, górna część tworzyła dach dwuspadowy, dolna normalna, prosta – sufit. Te obie części, górną i dolną, łączyły słupkami wykonanymi z grubszych desek w odstępach około 1,50 m. Połączono je szczelnie deskami zbijanymi ze sobą gwoździa-

mi; deski ustawione pionowo na ukos względem siebie. Część dachową oszalowano po pokryciu blachą. Wysokość takiego dźwigara w kalenicy wynosiła 1,30 m, okapowa 0,50. W sali kinowej wykonano kryte oświetlenie, tak by widzów nie raziło światło.

Podłoga była ze spadkiem. W końcu sali wykonano łozę, z której korzystała rodzina Marszałka Piłsudskiego – żona i córki, które po jego śmierci zamieszkały w Kamiennym Dworze.

Budowę Domu Ludowego, a raczej jego części, zakończono w drugim kwartale 1938 r. Pozostała część budynku, gdzie miała mieścić się biblioteka miejska z czytelnią, klub rezerwistów i pokoje harcerskie zaplanowano ukończyć po pozyskaniu środków. Na otwarciu Domu Ludowego przybyło wielu gości z Białegostoku i powiatu. Zespół teatralny pokazał spektakl „Przepióreczka”.

Równocześnie trwały prace przy budowie szkoły przy ul. Widowskiej. Kierownikiem budowy był Bazyl Misiejuk. Budynek wznoszono piętrowy, również z rozbiórkowej cegły z koszar, licowanej cegłą cementową, produkowaną sposobem gospodarczym. Do września 1939 r. zakończono stan surowy otwarty. Wojna przerwała dalszą robotę.

Zachariasz Szachowicz

Zachariasz Sachowicz, syn Tadeusza i Marii, urodził się 18 września 1911 r. w Topczewie. Zmarł 6 maja 2009 r. w Bielsku Podlaskim. Jego żoną jest Nina Szachowicz, siostra o. Konstantego Bajko, wybitnego duchownego prawosławnego.

W latach 1915-1920 przebywał wraz z rodzicami na uchodźstwie (bieżeństwie). Po sześciu latach od powrotu, rodzina przeniosła się do Bielska, zamieszkując w zakupionym domu przy ul. Brańskiej. W Bielsku Zachariasz Szachowicz ukończył Szkołę Powszechną nr 1. Dalszą naukę kontynuował w średniej szkole technicznej w Białymstoku, otrzymując tytuł technika budowlanego. W okresie międzywojennym nie mógł uzyskać stałego zatrudnienia; pracował na zlecenie przy prowadzeniu różnych budów. W latach 1941-1944 pracował w dziale gospodarczo-technicznym niemieckiego Urzędu Miasta.

Po wyzwoleniu miasta był zaangażowany w prace nad jego odbudową ze zniszczeń oraz upamiętnieniem ofiar wojny. Pracował w następujących zakładach: Komunalne Przedsiębiorstwo Remontowo-Budowlane (od 1951 r.), Miejskie Przedsiębiorstwo Robót Budowlanych w Bielsku Podlaskim (od 1958 r.), Hajnowskie Zakłady Przemysłu Drzewnego (od 1962 r.), Rejon Energetyczny w Bielsku Podlaskim (lata 70-te).

Zachariasz Szachowicz był wieloletnim radnym Miejskiej Rady Narodowej oraz radnym Wojewódzkiej Rady Narodowej w Białymstoku. Był odznaczony Złotym Krzyżem Zasługi, Kawalerskim Krzyżem Orderu Odrodzenia Polski Ludowej, odznaką „Zasłużony Białostoczczyźnie” oraz dwukrotnie orderem św. Marii Magdaleny.

Zachariasz Szachowicz był wielkim społecznikiem. Wiele realizacji projektowych wykonał bezinteresownie. Jest autorem kilku rękopiśmiennych kronik, dokumentujących różne wątki historii Ziemi Bielskiej, m.in.: „Kronika historyczna miejsc upamiętniających walkę i męczeństwo na terenie powiatu bielskiego”, „Odyseja energetyczna”, „Kronika budowy kaplicy św. Mikołaja” i in. Był również twórcą ikon i obrazów. W życiu zawsze wierny swoim poglądom i ideałom. Gdy w latach trzydziestych zaproponowano mu pracę, w zamian za przejście na inne wyznanie, Zachariasz Szachowicz kategorycznie odmówił. Również po wojnie, w czasach komunizmu, mimo pełnionych odpowiedzialnych funkcji, nie dał się uwieść nowej ideologii. Zawsze był przykładnym chrześcijaninem, oddanym parafianinem cerkwi Michajłowskiej.



Zacharyasz Szachonicz z koleżanką i przyszłą żoną Niną Bajko (z prawej), 1940



Wspólnota żydowska w Bielsku należała do najstarszych we wschodniej Polsce. Pierwsi Żydzi osiedlili się w mieście już w XV wieku. Z przekazów dokumentalnych wiadomo, że w 1487 roku dwóch Żydów było dzierżawcami bielskiej komory celnej, a w 1542 roku istniała w Bielsku synagoga. Aż do końca XVIII wieku nie ma informacji o Żydach, co najprawdopodobniej spowodowane było spadkiem ich liczebności. W 1816 roku w Bielsku mieszkało zaledwie 94 Żydów, znajdujących się pod jurysdykcją liczniejszej wspólnoty żydowskiej z Orli. W kolejnych dziesięcioleciach wspólnota żydowska Bielska zaczęła szybko wzrastać: ze 198 osób w 1847 roku, 1256 w 1861 roku do 4079 w 1897 roku, co stanowiło wówczas 54% ogółu mieszkańców. Społeczność żydowska zaczęła stanowić znaczącą część mieszkańców Bielska oraz nieodłączną część życia gospodarczego i krajobrazu kulturowego miasta. W 1915 roku wielu Żydów, razem z innymi mieszkańcami ziemi bielskiej uciekła przed Niemcami w głąb Rosji. W 1921 roku liczebność Żydów wynosiła 2367 osób, czyli około 50% mieszkańców, w kolejnych latach prawdopodobnie nieco spadła. Jak wspominała żydowska mieszkanka Bielska, Sonia Gleicher „do 1939 roku żyło się Żydom na ogół nieźle. Każdy posiadał warsztat pracy lub swój handel”.

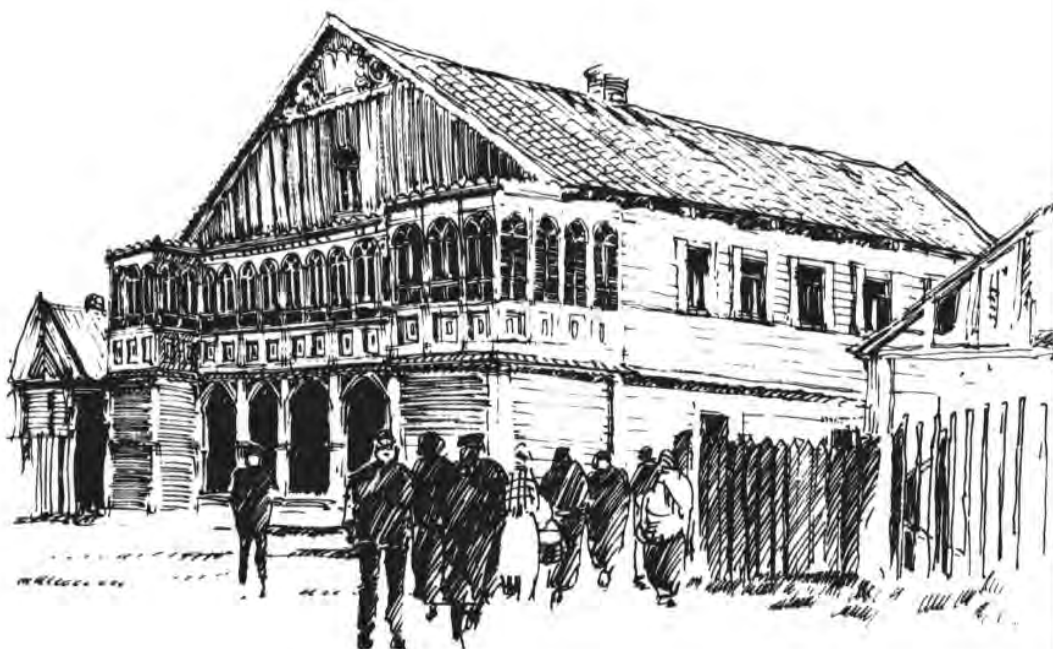
II wojna światowa zburzyła dawny świat mieszkańców Bielska. W czasie okupacji radzieckiej (wrzesień 1939–czerwiec 1941) ilość Żydów w Bielsku wzrosła do około 6 tys. W skutek dużej emigracji ludności żydowskiej z tej części Polski, która znalazła się pod władzą niemiecką. Latem 1940 roku wielu bielskich Żydów zostało wysłanych w głąb ZSRR, a wiosną 1941 roku część młodych wcielono do Armii Czerwonej. 24 czerwca 1941 roku wojska niemieckie zajęły Bielsk. W pierwszych dniach Niemcy zamordowali 30 żydowskich przywódców i przedstawicieli inteligencji.

W lipcu-sierpniu 1941 roku Żydzi zostają przeniesieni do getta. W listopadzie 1942 roku getto zostaje zlikwidowane, niewielką część Żydów przeniesiono do getta w Białymstoku, część wymordowano w Bielsku, reszta straciła życie w obozie w Treblince. Nie wiadomo, ilu dokładnie bielskich Żydów przeżyło wojnę. Prawdopodobnie było ich nie więcej niż kilkadziesiąt osób, nie licząc tych, którzy wcześniej uciekli w głąb ZSRR.

Po II wojnie światowej ocaleni z zagłady Żydzi zaczęli wydawać tzw. „księgi pamięci”, poświęcone pamięci poszczególnych społeczności żydowskich z miast i miasteczek w krajach Europy Środkowej i Wschodniej. Zawierały one wspomnienia tych, którzy przeżyli oraz historię Żydów w danej miejscowości. W sumie wydano 540 ksiąg pamięci dotyczące miejsc znajdujących się na terytorium II Rzeczypospolitej, z tego 60 odnosi się do miejscowości z przedwojennego województwa białostockiego. W 1975 roku Stowarzyszenie Imigrantów z Bielska w Izraelu i Stanach Zjednoczonych wydało w Tel Awiwie „Księgę Pamięci Żydów z Bielska Podlaskiego zgładzonych w czasie Holocaustu 1939-1945”. Większość książki (554 s.) napisana została w języku hebrajskim, ale dostępny jest również skrót w języku angielskim (44 s.)*. Zawiera ona opis historii i zagłady bielskich Żydów. Wylania się z niej obraz żydowskiego świata w Bielsku, który mieszkańcy wyznania moźeszowego traktowali jak swoją małą ojczyznę.

Księga jest ważnym źródłem informacji o historii i zagładzie Żydów z Bielska. Autorzy zwracają uwagę na dwie rzeczy, które sprawiały, że bielska wspólnota żydowska była unikalna na tle innych społeczności żydowskich. Po pierwsze, podporządkowana była zwierzchnictwu zaledwie jednego rabina, pomimo wielości synagog. Po drugie, utrzymywała szereg instytucji charytatywnych: Linat Zedek – pomagająca chorym, sierociniec, Hakhnasat Orlim

* Oprócz Księgi Pamięci Bielska Podlaskiego, z tej części Podlasia powstały jeszcze księgi Brańska (aż dwie), Zabłudowia i Siemiatycz. Nie wydano natomiast księgi Orli, gdzie do wojny istniała prężna wspólnota żydowska.



Główna synagoga, Jaffe Einan

- dla przyjezdnych bez dachu nad głową, scentralizowany „Komitet”, pomagający wszystkim potrzebującym. Pisząc o dwóch słynnych rabinach bielskich: Aryehu Leib Jellinie, interpretatorze prawa żydowskiego i Ben Zionie Sternfeldzie, wielkim przywódcy i organizatorze, autorzy Księgi zadają pytanie, dlaczego ci dwaj słynni rabini wybrali życie w Bielsku, mimo że mogli bez problemu przenieść się do większych miast? I odpowiadają: „Doceniali wielkość tego małego miasteczka, szczerść i poświęcenie jego mieszkańców (...) było tam coś, co możemy nazwać duchem Bielska”.

W Księdze Pamięci Żydów z Bielska Podlaskiego i w archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie znajduje się kilka świadectw żydowskich mieszkańców miasta, którzy przetrwali II wojnę światową. Na ich podstawie powstała poniższa opowieść o zagładzie żydowskiej wspólnoty Bielska.

NIEMCY ZAJMUJĄ BIELSK

Simche Bursztajn: Już pierwszego dnia napaści hitlerowcy zaczęli bombardować miasto, w skutek czego padły pierwsze ofiary: pani

Berezinski (córka Nachkego), Fajga Kaplanki, Moszke Geterman i Chaje Kont, dziewięcioletni chłopiec. We wtorek, 24 czerwca [1941 roku], o trzeciej popołudniu, do Bielska wdarły się pierwsze niemieckie oddziały wojskowe. Już w pierwszych godzinach hitlerowcy złapali przypadkowego żydowskiego przechodnia, nazywał się Lejbce [Bogacki] (szklarz), który akurat niósł w worku trochę jedzenia, wyprowadzili go na środek miasta i zastrzelili. Jednocześnie mordercy zaczęli grasować po żydowskich domach zabierając wszystko, co im się tylko spodobało.

Tymczasowym burmistrzem miasta mianowany zostaje pewien miejscowy Polak, Herman, który piastował ten urząd w Bielsku do 1939 roku [chodzi o Alfonsa Erdmana, burmistrza Bielska w latach 1937-1939 - przyp. WK]. Burmistrz ten nie odznaczał się szczególnym antysemityzmem i na tyle, na ile było to możliwe starał się ograniczyć ustawy norymberskie. Warto wspomnieć, że w 1943 roku Herman [Erdman] wraz z grupą Polaków został przez Niemców rozstrzelany w ramach akcji przeprowadzanej na polskiej inteligencji w Bielsku.

Po kilku tygodniach do Bielska przyjeżdża cywilna władza niemiecka z landratem Broschem, który odznaczał się nieukrywanym antysemityzmem. Nowoprzybyły burmistrz daleki był od humanitaryzmu. Celem nowej hitlerowskiej kliki było całkowite fizyczne i psychiczne uciemnienie ludności żydowskiej.

Sonia Gleichner: W kilka dni [po wejściu Niemców] został wydany rozkaz noszenia przez Żydów na piersiach na plecach sześciokątnych żółtych gwiazd. Następnie wydano zarządzenie, że Żydom nie wolno mieszkać razem z aryjczykami i w przeciagu jednego dnia zmuszeni zostali wynieść się ze swoich domów i zamieszkać w domach wyłącznie żydowskich. Nie zdążyli się Żydzi urządzić w ten sposób, gdy znów został wydany rozkaz, że Żydzi muszą mieszkać w oddzielnych dzielnicach i znów zmuszeni byli przenosić się dalej.

Simche Bursztajn: W mieście wydał się kilka antysemickich przepisów, na przykład: wszyscy Żydzi muszą nosić znak hańby, Żydom nie wolno chodzić po chodniku, Żydom nie wolno kłaniać się Niemcom, Żydom nie wolno mieszkać pod jednym dachem z chrześcijanami, wszyscy Żydzi w wieku od 14 do 60 lat, kobiety i mężczyźni, muszą codziennie wykonywać ciężką pracę fizyczną. Hitlerowcy zaczynają interesować się żydowskimi świętościami. Modlitwa jest Żydom surowo zabroniona. Wszystkie religijne księgi, które nie zostały zawczasu przez Żydów uprzątnięte, są spalane. Pewnego razu przypadkowo zatrzymano Szmuela Kaca, rzeźnika, kiedy szedł z tałesem na tajną modlitwę. Niemieckie bestie kazały rzeźnikowi rozpaść ogień i spalić tałes, potem uraczono go kilkoma porządnymi razami i ostrzeżono, że jeśli kiedykolwiek zostanie złapany na podobnym „przestępstwie”, będzie surowo ukarany.

Sonia Gleichner: Następnie wydano rozporządzenie, by zebrano wszystkie tałesy, sejfer - tory i inne religijne księgi i sami Żydzi musieli je spalić w jednym miejscu. Wszystkim pobożnym Żydom kazali ścinać brody. Zabroniono modlić się.

Meir Peker: Aby zyskać władzę nad miastem i zapewnić sobie posłuszeństwo Żydów,

Niemcy wzięli na zakładników lokalną inteligencję... Pamiętam, że wśród pierwszych byli: Menechem Stupiński, Appelbaum, Melamdo-wicz, Luzowski i Kusowicki (...) Miasto bez swoich przywódców znalazło się w stanie depresji – nikt nie mógł sobie wyobrazić możliwości ułożenia codziennych spraw i stosunków z nowym reżimem (...) Krążyły plotki, że tego samego dnia wszyscy [zakładnicy] zostali zastrzeleni i pogrzebani pod miastem.

Simche Bursztajn: Wkrótce aresztowanych zostaje 30 Żydów pochodzących z inteligencji i bogatych sfer, były wśród nich następujące osoby: Aron Liewart (rzeźnik) z synem, Menase [Chrabolowski] (nauczyciel), bracia Falie i Mejer Kaplanski (kupcy), bracia Herszel i Szajke [Kor] (kupcy), Szolem Szwarz (księgowy), Zame Raniecki (księgowy), Josef Kac (profesor gimnazjum), Zelter (nauczyciel), Aron-Nisn Kamieniecki (nauczyciel), Walczyk (nauczyciel), Mejer-Eli Guterman (sekretarz gminy), Szlosberg (ekonomista), Josef Meszorer (kupiec), Alter Muzikant (kancelista), Jonas Wajnsztajn (adwokat), Lejb Szipman (kupiec), Jankew Bereziński (kupiec), Giel Lejzer (lat 17), Ajzik [Landon] (lat 17), Szmuel Lewin, i inni.

Piasek Henach: ...Guterman – budowniczy, Stupnik - nauczyciel muzyki, Wajnsztajn, Brzeziński Jakub, Ajzensztajn, Eksztajn, bracia Kaplan. Lista wziętych została ustalona przy pomocy Polaków. Po kilku dniach od zamordowania owych 30 ludzi Niemcy ponownie przyszli z przygotowaną listą i zabrali 10 mężczyzn i 10 kobiet, których wyprowadzono 3 km od miasta i tam rozstrzelano...

Simche Bursztajn: Jednak hitlerowcy się tym nie zadowalają, starają się jak najwięcej wyssać ze swoich ofiar. W tym czasie nałożona zostaje na ludność żydowską kontrybucja – 2,3 kg złota, 5 kg srebra i wysoka kwota pieniężna. Wszystko trzeba zgromadzić w zaledwie kilka godzin. W razie niedostarczenia rzeczy w wyznaczonym terminie, miała zostać rozstrzelana określona liczba Żydów. Kontrybucję dostarczono oczywiście z „niemiecką punktualnością”. Ludzie oddali swój ostatni grosz, aby tylko ratować się do śmierci.



Nieistniejące żydowskie kamienice na wschodniej pierzei ul. Mickiewicza; widoczny m.in. sklep materiałów piśmiennych, tapet i zabawek Zelika Farbera oraz sklep z alkoholem A. Ajzensztadta

Na początku września 1941 roku na żydowską ludność zostaje nałożona kolejna kontrybucja tej samej wysokości, co pierwsza. Nie udało się dostarczyć jej w wyznaczonym czasie, ponieważ niemożliwością było zgromadzenie tak wielkiej ilości złota i pieniędzy. W mieście wybuchła panika ze strachu przed możliwymi ofiarami. Tylko dzięki interwencji udało się przedłużyć termin do następnego dnia. Ogromny wysiłek każdego pojedynczego człowieka umożliwił dostarczenie kontrybucji.

Okolo 20 września 1941 roku żydowską ludnością bielska wstrząsa wiadomość o kolejnych aresztowaniach. Tym razem gestapo aresztowało 12 Żydów, których od razu rozstrzelali w lesie pilickim 3 km za miastem i tam pogrzebali. Wśród ofiar znajdowały się następujące osoby: Mojsze Piasek (krawiec), Ichok Warne (malarz), Mejer [Kochticki] (szewc), Lejzer Jaszynowski (szewc), Kestin (stolarz), Walman (furman), Gurewicz (kancelista), pani Rochl Lazarowski, Muzikant (kancelista), i inni. Dopiero jesienią 1945 roku zostali ekshumowani, a ich szczątki przeniesione przez ocalonych na cmentarz żydowski.

POWSTANIE GETTA

Meir Peker: Po dwóch tygodniach od zajęcia miasta Niemcy ogłosili założenie getta i rozkazali Żydom, aby sami zbudowali ogrodzenie. Wszyscy z nas pracowali przy jego budowie (...) w ciągu trzech dni powstał solidny drewniany mur wysoki na trzy metry, obejmujący obszar graniczący z Beit Midrasz Grass, Gottka Grass, Jagiellońską i drogą na Dubicze. Terytorium getta obejmowało nie więcej niż jedną czwartą miasta, być może mniej. Kiedy Rosjanie opuścili miasto pozostało około 5 tys. [Żydów], z których wszyscy zostali zamknięci w getcie, po 3-4 rodziny w jednym mieszkaniu. W ciągu kilku godzin wszyscy zostali okrutnie zagonieni do nowego kwartału. Jeszcze przed założeniem getta, zostaliśmy poinformowani, że wszyscy będziemy musieli opuścić nasze domy i przenieść się tam. Każdemu człowiekowi pozwolono zabrać ze sobą te rzeczy, które był w stanie unieść. Przejście mieszkańców miasta z ich domów było przynębiającym widokiem: dzieci i starzy ludzie obładowani pakunkami, każda rodzina próbująca ocalić tyle, ile jest w stanie, aby nie zostawić swojego majątku szabrownikom.

Sonia Gleicher: Cała ludność żydowska została zgrupowana na kilku ulicach, które sami musieli odgrodzić od „aryjskiej strony». Nie mając materiału rozbierali swoje meble, różne sprzęty: w ten sposób stanął płot odgradzający żydowską dzielnicę od reszty miasta.

Piasek Henach: Żydzi z własnych mebli musieli zbudować ogrodzenie wokół getta, to był 3 metrowej wysokości parkan. Na tym parkanie umocowany został drut kolczasty, tak więc uciekać z getta było bardzo trudno. Getto miało dwie bramy.

Simche Bursztajn: Tak więc Żydzi sami zbudowali dla siebie „śmiertelną klatkę”. Po zamknięciu getta sytuacja Żydów pogorszyła się w wielu aspektach, zwłaszcza jednak w aspekcie ekonomicznym. Wówczas zaczęto nielegalnie sprowadzać do getta produkty pierwszej potrzeby, by utrzymać przy życiu wygłodniałych ludzi. Zgodnie z zarządzeniem SS-manów, z początkiem jesieni 1942 roku, jak wszędzie, skonfiskowano ludności żydowskiej wszystkie futra i produkty futrzarskie. Za ukrycie futra groziła kara śmierci.

Meir Poker: Przez pierwsze dni byliśmy pogrążeni w stanie anarchii. Zamknęli nas za ogrodzeniem i nie wiedzieliśmy dlaczego nas zgromadzono i co zamierzają z nami uczynić. Mielśmy wrażenie, że chcą oni [Niemcy] zrobić coś w mieście, okopać, zbudować fortyfikacje i że wyeksmitowali nas, abyśmy nie mogli (...) odkryć ich sekretów. Nie wiem, co spowodowało we mnie takie myśli, ale inni myśleli podobnie. Te dni nadszarpaneły nasze nerwy do stanu szaleństwa. Po kilku dniach (...) porządek został przywrócony i przyczyny dla naszego przebywania w getcie zostały nam ujawnione.

ŻYCIE W GETCIE

Meir Poker: Niemcy mianowali Judenrat [Radę Żydowską] i zrobili Szlamo Epsteina jego przewodniczącym. Innymi członkami byli: Mosze Scheerln, Jakow Schneider, Lipa Slochowski i inni, którzy nie byli tak znaczący. Judenrat miał straszny obowiązek wypełnienia kwot siły roboczej, nakazany przez Niemców. Był również odpowiedzialny za wypłacenie

podatku w srebrze, złocie i biżuterii nalożonego na mieszkańców getta, dostarczania butów, welnianych okryć i futer dla magazynów niemieckiej armii. Żydzi bielscy, którzy zawsze byli przyzwyczajeni do sąsiedzkiej pomocy, nie mogli teraz rozkazywać tym spośród siebie, aby stali się siłą roboczą. Ale jaki mieli wybór? Została powołana policja żydowska, na czele której stanął zasługujący na pogardę mieszkaniec Orli. [Niemcy] wiedzieli, że mogą liczyć na Wensteina. (...) Policja fizycznie wyciągała ludzi do pracy przymusowej.

Sonia Gleicher: Żydzi musieli pracować przy upiększaniu miasta. Budowali parki, pracowali w niemieckich firmach. W każdą niedzielę cała ludność żydowska, kobiety, dzieci i starcy musieli zamiatać ulice miasta. Przy tej pracy urządzano całe widowisko: bito ich, śmiano się z nich, potracano. Żydzi starali się pracować we wszystkich przedsiębiorstwach, fabrykach, wytwórniach niemieckich myśląc, że tym wykupią swoje życie.

Piasek Henach: Z getta Żydzi brani byli do różnorakich robót. Na przykład do parku, w różnych niemieckich firmach, do budowy szosy, a nawet daleko na otwartej przestrzeni. Wydane zostały specjalne pieniądze dla Żydów (Judengeld). Pieniądze te już nie weszły do obiegu.

Symcha Teperman: W sierpniu 1941 roku w Bielsku Podlaskim otwarto przy ul. Mickiewicza fabrykę filcu (...) zatrudniała 20 ludzi, cholewników, szewców i robotników filcu, w tym 70% Żydów.

Meir Poker: Życie wspólnotowe prawie kompletnie przestało istnieć (...) Wszystko stanęło. Instytucje i aktywność wspólnoty stały się przeszłością, a o przeszłości nikt nie myślał. Żydzi modlili się samotnie w swoich domach, o ile w ogóle. Synagogi zostały zamknięte, aby nie stały się punktem oparcia dla Żydów. Synagoga Jafe Einan (Yaffe Ainayim) została zamieniona w miejsce spotkań Judenratu i policji żydowskiej. (...) Rola rabina stała się bez znaczenia i on [Mosze Aron Bendas], świadomy tego, próbował przynieść ocalenie poprzez samopoświęcenie się. Kiedy sytuacja



Schematyczny plan Bielska sporządzony przez Żydów w okresie międzywojennym

z fabryki [filcu], z których każdy mógł jeszcze zabrać 4 członków rodziny. Ten kto nie miał 4 członków rodziny zabierał obcych ludzi. Razem odjechało 48 rodzin (około 200 Żydów) z prezesem Judenratu Epsztejnem.

Meir Poker: Podczas transportu Szlomo Epsztejn uciekł. Nie wiedzieliśmy jak mu się to udało, ale jego ucieczkę zauważono dopiero po naszym przybyciu do Białegostoku.

Simche Bursztajn: Wywieziono do białostockiego getta 48 Żydów wraz z rodzinami, szewców i krawców zatrudnionych w niemieckiej firmie „Benz”; przez kolejne miesiące, aż do likwidacji białostockiego getta, przechodzili wraz z tamtejszymi Żydami piekło.

Piasek Henach: Wszyscy Żydzi trafili do Trebinki. Przez 11 dni trwała wysyłka po 1000 Żydów dziennie. Kierowano ich do obozu śmierci. 11 listopada po wywiezieniu bielskiego getta w szpitalu gettowym pozostało 78 obłożnie chorych, których wyprowadzono na zewnątrz i rozstrzelano. Wśród nich należy wspomnieć: Mostowskiego, Glezera, Awsiejewicza, Strikowskiego.

Sonia Gleicher: Tak minął tydzień i zaczęto wywozić transporty do Trebłinki (...)

Tak trwało do 11 listopada 1942 roku, po obiedzie rozstrzelano ostatnich 78 Żydów z Bielska, którzy znajdowali się w szpitalu. Przy tym były dwie kobiety, które były przy rodach. Zamordowano ich w sposób następujący: wykopano rów, kazano im się położyć w jeden rząd, rozstrzelano ich, a następnie kazano się położyć na nich i utworzono drugą warstwę i w ten sposób powstały cztery warstwy. Tak zostało zlikwidowane getto w Bielsku.

Simche Bursztajn: 14 listopada 1942 roku Bielsk opuścił ostatni transport Żydów do krematoriów w Treblince. Jeszcze tego samego dnia niemieckie bestie zabrali wszystkich chorych ze szpitala, wszystkie dzieci z sierocińca, jak i wszystkie kaleki z getta. Wszystkich zgromadzono w jednym miejscu i rozstrzelano. Zakopano ich na miejscu, w jakimś dole. Dopiero w maju 1946 roku ich ciała zostały ekshumowane przez dzisiejszych Żydów z Bielska i przeniesione na cmentarz żydowski. Spośród Żydów z bielskiego getta przeżyło zaledwie kilka osób, które przetrwały okupację w niemieckich obozach pracy. Tak oto niemieckie bestie zamordowały 6000 bielskich Żydów.

Wstęp i opracowanie relacji: Wojciech Konończuk

АЛЬБОМ

ЧАРОМХАЎСКАЕ ВЯСЕЛЛЕ 1953 Г. У ФАТАГРАФІЯХ ДЗМІТРЫЯ ШАТЫЛОВІЧА

Зімоваю парою 1953 г. з вёскі Чэрэмха, у прыхадскую царкву ў Клепчэлях адправіўся доўгі шнур шпыткаў з вясельнікамі. Наперадзе, у прыгожым вэлюне ехала маладая Б. Дудэль. Сярод вясельнікаў быў і мясцовы кавалер Дзмітры Шатыловіч, які ўвекавечыў нештадзённае здарэнне на фатаграфіях. Аўтар здымкаў, беларускі паэт, цяпер пражывае ў Варшаве. Вельмі дзякуем спадару Дзмітрыю за каштоўны матэрыял.









АЛБОВЪ

